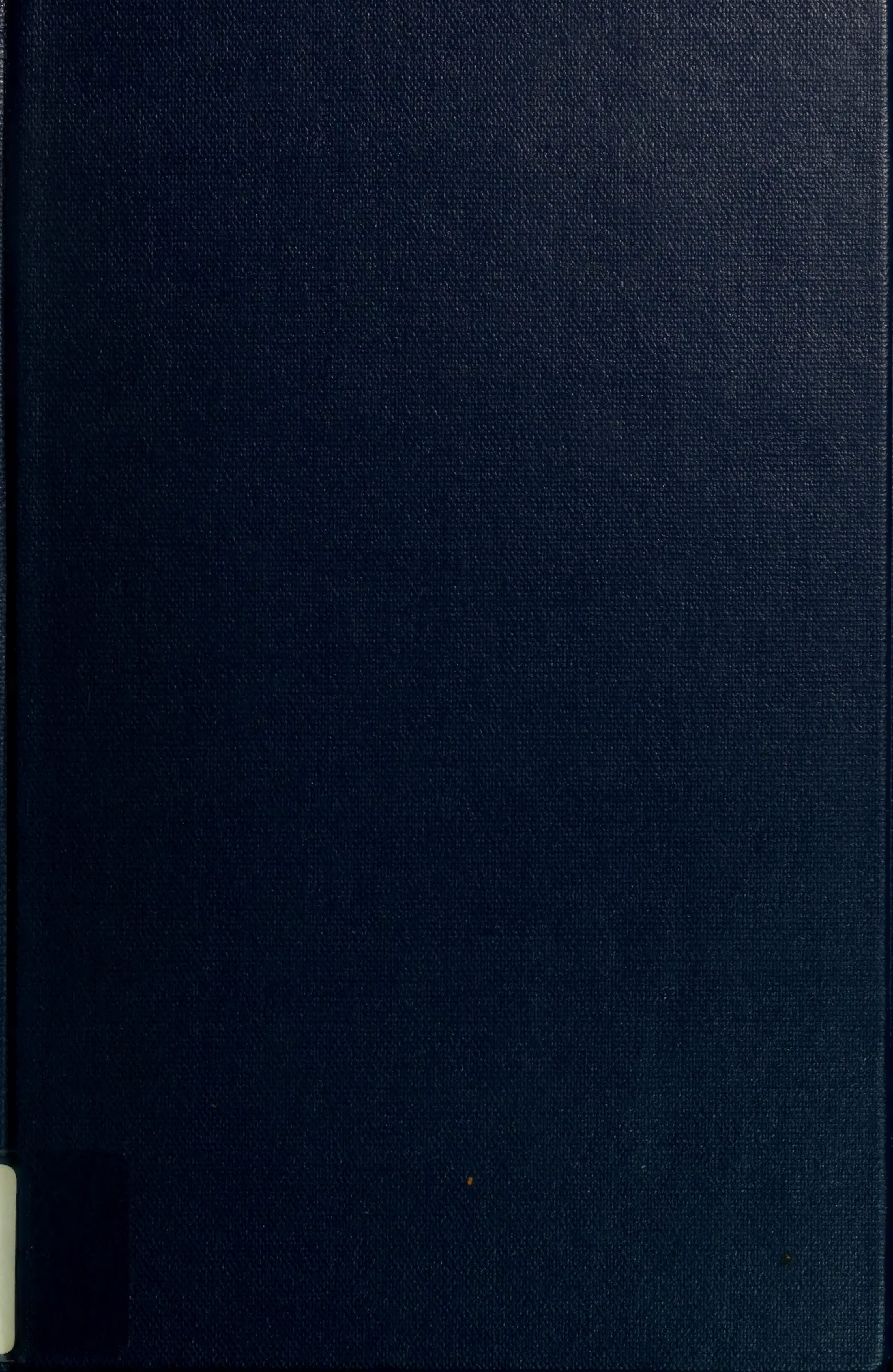
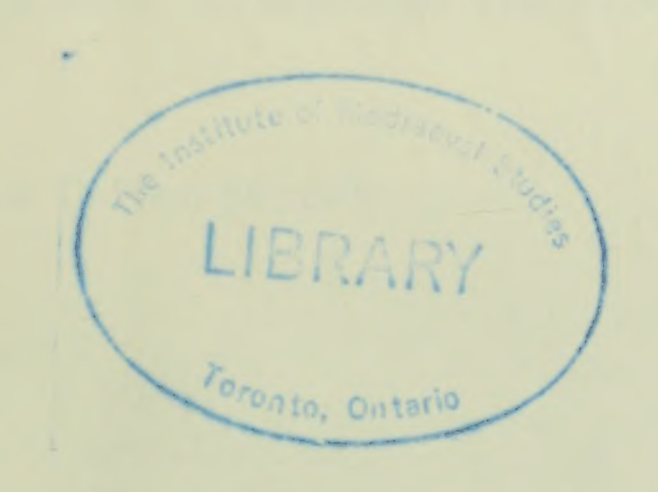
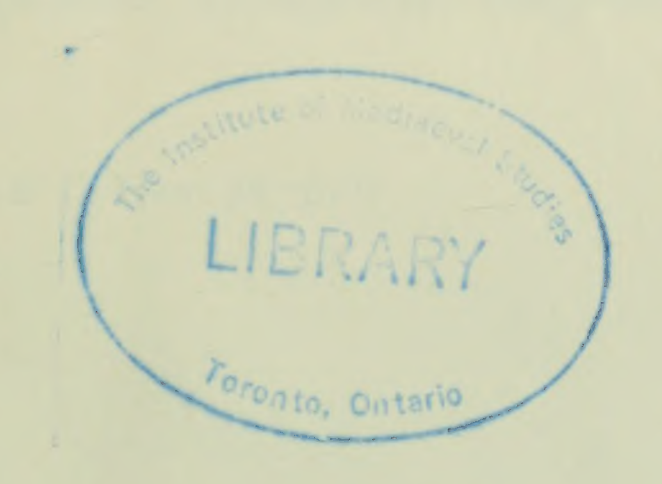

Павлу Гавриловичу
Виноградову
отъ автора.

А. С. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКІЙ.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ,

ОСНОВАТЕЛЬ

Императорской Академіи Наукъ

въ С.-Петербургѣ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Императорской Академіи Наукъ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1914.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Іюль 1914 г.
За Непремѣннаго Секретаря Академикъ *К. Залеманъ*.

Отдѣльный оттискъ изъ Сборника рѣчей, произнесенныхъ въ торжественномъ засѣданіи Императорской Академіи Наукъ 23 февраля 1913 года.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ — ОСНОВАТЕЛЬ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Въ началѣ XVII-го вѣка Россія переживала тяжелый кризисъ, изъ котораго она вышла лишь по избраніи на царство Михаила Ѳедоровича Романова, т. е. послѣ событія, трехсотлѣтіе котораго мы празднуемъ сегодня.

Во время «великой разрухи» Россія, правда, обнаружила религіозное и національное единство; но ей недоставало возможно болѣе прочной формы политическаго существованія, подъ условіемъ которой она могла бы отстоять свою политическую независимость и воспользоваться ею для того, чтобы раскрыть свои культурныя силы и занять свое мѣсто въ средѣ европейскихъ державъ.

Въ тяжелой борьбѣ за православную вѣру, за свою національность и за Московское государство, русскіе люди сознали его значеніе: хотя они, можетъ быть, и почувствовали, что государство и форма правленія — не одно и то-же, но пришли къ заключенію, что «безъ государя Московскому государству стоять не мочно»; опасаясь тѣхъ бѣдъ, которыя грозили ему «конечнымъ разореніемъ», они согласились «всею землею» избрать государя, и, на соборѣ, 21 февраля 1613 г. рѣшили «просить на престолъ царствія Московскаго» юнаго Михаила Ѳедоровича, племянника, по сродству, царя Ѳедора Ивановича.

По воцареніи Михаила Ѳедоровича московское прави-

тельство приняло на себя исполненіе очень трудной задачи: оно прежде всего должно было возстановить въ Россіи внутренній порядокъ и снабдить её болѣе совершенными средствами міровой борьбы, такими средствами, при помощи которыхъ Россія могла бы обезопасить себя отъ татаръ и турокъ и прорвать тѣ преграды, какія поляки и шведы ставили сближенію ея съ Европой. И несмотря на тяжелыя условія, при которыхъ русскому правительству того времени приходилось дѣйствовать, ему удалось многое сдѣлать для разрѣшенія такой задачи: при содѣйствіи земскихъ соборовъ, оно способствовало водворенію, послѣ смуты, по крайней мѣрѣ нѣкотораго внутренняго порядка и внѣшней безопасности, нужныхъ для развитія нашей культуры.

Въ то время, однако, трудно было расчитывать на быстрые успѣхи культуры, и, въ особенности, на усвоеніе одного изъ основныхъ ея началъ — идеи чистаго научнаго знанія: поглощенное религіей, оно еще слишкомъ мало обращало на себя вниманіе правительства, занятаго водвореніемъ порядка, и почти не интересовало русскаго общества, подчиненнаго требованіямъ государства и случайностямъ внѣшней политики. Соправитель царя Михаила Ѳедоровича и строгій блюститель православія, Филаретъ Никитичъ недовѣрчиво относился къ иноземцамъ, отъ которыхъ все же можно было заимствовать кое-какіе элементы культуры; но ни Филаретъ Никитичъ, ни его современники не могли безнаказанно пренебрегать успѣхами европейской техники: потребность въ ней уже чувствовалась въ домашнемъ обиходѣ, и, особенно испытывалась во время тѣхъ войнъ, которыя русскимъ приходилось вести съ поляками и шведами. Такія условія продолжали вліять на развитіе нашего просвѣщенія и въ позднѣйшее время.

Набожный царь Алексѣй Михаиловичъ также придерживался старинныхъ религіозныхъ воззрѣній на государство, въ которомъ наука еще не находила себѣ надлежащаго мѣста, и довольно внѣшнимъ образомъ интересовался успѣхами техники; но онъ все же не совсѣмъ былъ чуждъ интереса къ образованности и научился цѣнить техническія приспособленія, полезныя для государства. Въ виду не однихъ только религіозныхъ соображеній царь Алексѣй Михаиловичъ пригласилъ, напримѣръ, малорусскихъ ученыхъ: онъ вызвалъ ихъ и для перевода греческой библіи и другихъ книгъ на «словенскій» языкъ, и для «риторическаго ученія»; онъ еще нагляднѣе обнаружилъ свое отношеніе къ новымъ знаніямъ, поручивъ обученіе своихъ дѣтей одному изъ «западниковъ» того времени — Симеону Полоцкому и такимъ образомъ подготовилъ дальнѣйшіе успѣхи южно-русской образованности въ Москвѣ. Впрочемъ, самъ царь Алексѣй Михаиловичъ и нѣкоторые изъ его современниковъ все же чувствовали особенную потребность въ мірскихъ знаніяхъ преимущественно въ сферѣ той техники, которая становилась все болѣе и болѣе нужной государству для его борьбы съ сосѣдями и значеніе которой такъ настойчиво доказывается, напримѣръ, въ предисловіи къ книгѣ, напечатанной по царскому повелѣнію подъ заглавіемъ: «Ученіе и хитрость ратнаго строенія пѣхотныхъ людей».

Ближайшіе преемники «тишайшаго» царя — Ѳеодоръ Алексѣевичъ и его сестра Софія Алексѣевна, благодаря попеченіямъ отца, уже до занятія престола заинтересовавшіеся новой образованностью, содѣйствовали ея насажденію въ Москвѣ. Латино-польская ученость, выращенная въ іезуитскихъ коллегіяхъ и перенесенная изъ Кіева въ Москву, стала, благодаря ихъ покровительству, пускать ростки и

даже слагаться въ школьную традицію, въ то время тѣсно связанную съ «схоластикой».

Схоластика, была, конечно, «служанкою» церкви и напоминаетъ намъ «тёмныя» времена средневѣковья; но, попавши въ Москву съ большимъ опозданіемъ, она тѣмъ не менѣе сыграла здѣсь извѣстную роль: она уже давала русскому уму извѣстныя формы мысли, хотя и заполняла ихъ обветшалымъ содержаніемъ.

Въ самомъ дѣлѣ, схоластическіе курсы богословія и философіи, которые читались въ Кіевѣ, а затѣмъ стали читаться и въ Московской академіи, даже сторонниками эллино-греческой партіи, знакомили учащихся съ началами той дедуктивной логики Аристотеля, которая господствовала до временъ Бэкона. Благодаря такому знакомству русскіе люди начинали чувствовать интересъ къ правильнымъ формамъ мысли, къ силлогизмамъ и діалектикѣ, которые такъ годились для богословско-культурныхъ споровъ, волновавшихъ въ то время Москву, и, значитъ, уже испытывали интересъ къ отвлеченному мышленію, хотя бы содержаніе его и ограничивалось еще средневѣковымъ міровоззрѣніемъ, т. е. прежде всего ученіемъ Аристотеля, «исправленнымъ» Ѳомою Аквинскимъ.

Впрочемъ, вліяніе Возрожденія, а отчасти и позднѣйшихъ теченій уже начинало чувствоваться даже въ средѣ тѣхъ московскихъ книжниковъ, которые придерживались «эллино-греческаго ученія»: Епифаній Славинецкій, стоявшій во главѣ Чудовской школы, былъ знакомъ, напримѣръ, съ нѣкоторыми взглядами Эразма Роттердамскаго и переводилъ, между прочимъ, «книгу врачевскую анатомію.... Андрея Весалія Брукселенска», а также «уставы граждано-правительные отъ Ѳукидидовы исторіи, книги первыя».

Такое настроеніе еще яснѣе обнаружилось съ того времени, когда труды польскихъ гуманистовъ, напримѣръ, Петриція и Модржевскаго начали появляться въ русскихъ переводахъ, когда живая природа стала отражаться въ произведеніяхъ Ушакова и его преемниковъ, и т. п. [1]).

Въ концѣ XVII-го вѣка въ Москвѣ появились примѣты еще болѣе новаго движенія мысли: оно зародилось въ колоніи тѣхъ иноземцевъ, которые ближе стояли къ протестантской, чѣмъ къ католической культурѣ и уже могли интересоваться свѣтскими ея элементами.

Въ самомъ дѣлѣ, подъ вліяніемъ общенія русскихъ людей съ жителями Нѣмецкой слободы, преимущественно протестантовъ, раціоналистическое движеніе нѣсколько усилилось и уже довольно ясно обнаружилось во взглядахъ извѣстнаго лекаря Тверитинова и членовъ его кружка, «упивавшихся разумомъ». Въ связи съ тѣми же сношеніями въ Москву стали проникать даже зачатки картезіанской философіи. «Нѣкоторые, прибывшіе сюда изъ-за границы, писалъ іезуитъ Ф. Эмиліанъ въ 1701 году, нахватались частью въ Англіи, частью въ Швеціи латыни и хотѣли пустить здѣсь ученіе Декарта; но мы всѣ воспротивились допускать диспутъ о немъ, такъ какъ это ученіе противно догмату пресуществленія». Тѣмъ не менѣе между «послѣдователями Декарта» и іезуитами происходили какія то пренія, въ которыхъ іезуиты ссылались на авторитеты Суареца и Скота, причемъ сами предвидѣли, что имъ не

---

1) Чт. въ Моск. Общ. Ист. и Древ., 1846 г. (годъ II), кн. IV, Смѣсь, с. 70. Въ словахъ „съ латинска отъ книги Андрея Весалія Брукселенска“ послѣднее, надо думать, указываетъ на происхожденіе Весалія изъ Брюсселя (Bruxellensis), что иногда и обозначалось на заглавномъ листѣ его сочиненій; объ Андреѣ Весаліи и его трудахъ см. A. v. Haller, Bibliotheca anatomica, Tiguri, 1774, t. I, pp. 180—187.

такъ то легко будетъ окончить начатую ими «схоластическую войну». Ожиданія Ф. Эмиліана оправдались: едва онъ успѣлъ запастись экземпляромъ сочиненія Декарта, какъ, въ слѣдующемъ году, ему снова пришлось вступить въ диспутъ съ приверженцами новаго ученія и затронуть самыя основныя его положенія. «Какіе то пришельцы изъ Англіи и Голландіи», сообщалъ онъ изъ Москвы своему «покровителю» лѣтомъ 1702 года, «пытались ввести здѣсь преподаваніе философіи Декарта и какого то Локка; нѣкоторые изъ здѣшнихъ жителей хотя и не разумѣли, въ чемъ дѣло, однако, были увлечены тѣмъ, что имъ расхваливали философовъ и новизною ихъ ученія». Сторонники его возстали прежде всего противъ схоластическихъ терминовъ и аргументаціи, къ которымъ они прибѣгали въ своихъ спорахъ съ русскими начетчиками. Хотя Ф. Эмиліанъ и обѣщалъ имъ не пользоваться терминами: «съ формальной стороны, съ существенной» и т. п., но не могъ допустить исключенія всѣхъ схоластическихъ доказательствъ; онъ утверждалъ, что самъ Декартъ предложилъ основное свое положеніе: «cogito, ergo sum» въ схоластической формѣ, и постарался дискредитировать новую философію въ Москвѣ [1]).

Такимъ образомъ, кое какія сѣмена новыхъ ученій стали случайно попадать въ Нѣмецкую Слободу, которую такъ охотно посѣщалъ Петръ Великій: и хотя по условіямъ своей жизни, да и по натурѣ онъ не склоненъ былъ къ усвоенію отвлеченныхъ принциповъ новой европейской цивилизаціи, онъ все же живо воспринималъ ея жизненный

---

1) Тайныя письма іезуитовъ, изд. Археографической Комиссіей, С.-Пб., 1904 г., сс. 269, 291.

смыслъ въ болѣе частныхъ ея приложеніяхъ и сталъ осуществлять ихъ съ гораздо большею настойчивостью, чѣмъ его предшественники; оставаясь вѣрнымъ сыномъ православной церкви и полагая, что «вольнодумство пагубно благоустройству» [1]), онъ тѣмъ не менѣе отдавалъ видимое предпочтеніе европейской культурѣ, и обнаруживалъ особенную склонность къ протестантской, а не католической ея формѣ; вмѣстѣ съ тѣмъ царь уже ясно сознавалъ великое и самостоятельное значеніе свѣтскихъ ея началъ для государства; съ такой, преимущественно утилитарно-политической точки зрѣнія высвобождая её изъ подъ церковной опеки, онъ, однако, подчинялъ её правительственному надзору.

Общія воззрѣнія Петра Великаго на просвѣщеніе и на науку слагались, конечно, подъ вліяніемъ современныхъ ему взглядовъ, а представители ихъ даже въ наиболѣе образованныхъ странахъ Европы, далеко не всегда настаивали на абсолютной цѣнности и охотно указывали на утилитарное значеніе научныхъ знаній. Французская Академія Наукъ, секретаремъ которой въ то время былъ Фонтенелль, въ одномъ изъ своихъ изданій сочла нужнымъ, напримѣръ, подробно доказывать, что науки даютъ болѣе совершенное познаніе величія Творца Вселенной и пригодны для жизни; Академія указывала на то, что математика, предлагающая понятіе о «соотношеніи между субтангенсомъ и соотвѣтствующей абсциссой параболы», приводитъ къ умѣнію вѣрно стрѣлять изъ пушекъ и пускать изъ нихъ ядра; что астрономія сообщаетъ знаніе о четырехъ спутникахъ Юпитера, выгодно отражающееся на мореплаваніи; что анатомія, по мѣрѣ того какъ она становится болѣе

1) И. Голиковъ, Дѣянія, изд. 2, т. XV, с. 211.

точной наукой, дѣлаетъ хирургическія операціи болѣе надежными; что исторія предлагаетъ примѣры добродѣтели и правила поведенія, полезныя для частной и общественной жизни, и т. п.; составитель трактата пытался приложить ту же точку зрѣнія даже къ размышленіямъ о предметахъ «безполезныхъ»: и оно, по его мнѣнію, «всегда полезно»[1]). Вышеприведенныя разсужденія, какъ видно, не особенно рѣзко отличались и отъ взглядовъ Петра Великаго на науку: подобно Кольберу, цѣнившему французскую академію, главнымъ образомъ, въ виду тѣхъ услугъ, какія она могла принести государству, царь придерживался такой же утилитарно-политической точки зрѣнія и при основаніи академіи наукъ въ новой своей столицѣ[2]).

Впрочемъ, Петръ Великій испытывалъ «любопытство къ познанію всего» и не былъ лишенъ нѣкотораго интереса даже къ чистому знанію. Царь задумывался иногда надъ философскими проблемами; однажды, смотря на Готторпскій глобусъ, въ которомъ могло помѣститься до десяти человѣкъ, онъ будто бы сказалъ Блументросту: «мы теперь въ большомъ мірѣ; этотъ міръ есть въ насъ; тако міры суть въ мірѣ». Трудно рѣшить, находился-ли въ данномъ случаѣ царь подъ вліяніемъ идей Лейбница о монадахъ, припоминалъ-ли разсужденія Фонтенелля о множествѣ міровъ, имѣлъ-ли въ виду «книгу мірозрѣнія» Гюйгенса или какую-либо другую систему; но все же, если приписывать вышеприведенныя слова самому царю, нельзя не замѣтить его способности кратко и мѣтко выразить отвлеченную

---

1) Histoire du renouvellement de l'Académie Royale des Sciences etc., Par., 1714, pp. 1 — 33.

2) A. Maury, L'ancienne Académie des Sciences, Par., 1864, pp. 10 sq.

мысль или, по крайней мѣрѣ, умѣніе удачно воспользоваться ею[1]).

Вообще, питая нѣкоторый интересъ къ точнымъ наукамъ и «любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ», Петръ Великій вступалъ въ разговоры съ генералъ-фельдцейхмейстеромъ графомъ Брюсомъ о томъ, что касается математики и физики, и охотно слѣдилъ за производствомъ физическихъ опытовъ; онъ также любилъ наблюдать затменія и самъ дѣлалъ замѣтки о нихъ, причемъ не упускалъ случая разсуждать въ присутствіи бояръ и придворныхъ о «естественныхъ» причинахъ подобныхъ явленій и

1) Catalogus librorum Petri Magni.... anno (?) 1725 cum bibliotheca imperiali combinatorum, въ Библ. Академіи Наукъ (II Отд.), за № XXI a/12. На л. 12 сверху приписка: „Diese Zusendung von Büchern aus dem Kabinet des Kaysers ist wahrscheinlich die erste"; она относится къ списку книгъ, заглавіе котораго писано другимъ болѣе четкимъ почеркомъ и сообщаетъ слѣдующее: „Nachfolgende Bücher sind von des [sic] Herrn General Feldzeugmeisters Grafen von Bruce Excel. an die Kayserl. Bibliothek abgegeben und die Quittance darüber dero Secretaer zugestellt worden". Въ Арх. Конф., въ особой папкѣ, безъ номера, озаглавленной „Дѣла о Библіотекѣ", на обложкѣ № 2, въ которую вложены списки книгъ, препровожденныхъ Брюсомъ и Мошковымъ, значится: „каталогъ книгамъ, принятымъ у генералъ-фельдцейхмейстера Брюса и гофинтенданта Мошкова въ 1717 г." Въ числѣ 63 №№ книгъ, преимущественно голландскихъ изданій, появившихся до 1715 года (2 №№—безъ даты), нѣсколько философскаго содержанія, напримѣръ: R. de Cartes, Principia philosophica и Meditationes de prima philosophia, Amst., 1637; Th. Hobbes, Opera Philosoph., tt. I—III, Amst., 1668; J. Locke, Opvoering der Kinder, Rotterdam, 1698. Ниже этотъ списокъ книгъ, обозначается буквою *B*. А. Нартовъ, Разсказы о Петрѣ Великомъ, изд. подъ ред. Л. Майкова, С.-Пб., 1891 г., с. 30; ср. с. 39. Я. Штелинъ, Сказанія, изд. 2-ое С.-Пб. 1787 г., сс. 131, 382—383. Популярная книга Фонтенелля: „Entretiens sur la pluralité des mondes" вышла въ 1686; книга Гюйгенса „Κοσμοθέωρος", напечатанная два года спустя, была переведена на русскій языкъ и выдержала у насъ два изданія въ 1717 и 1724 гг.; см. П. Пекарскій, Н. и Л., т. II, сс. 388, 621. См. еще ниже с. 44, прим. 2.

о движеніи небесныхъ тѣлъ по системѣ Ньютона [1]). Царь обращалъ вниманіе и на другія отрасли естествознанія, въ особенности послѣ того, какъ побывалъ на лекціяхъ Рюйша и осмотрѣлъ его коллекціи; желая «имѣть въ натуральной исторіи систематическое понятіе», онъ по утрамъ часто посѣщалъ свои «рѣдкіе кабинеты, одинъ — анатомическій, а другой — разныхъ животныхъ», не смотря на то, что они были расположены вдали отъ «прочихъ строеній, на Смольномъ дворѣ». Впрочемъ, Петръ Великій не пренебрегалъ и гуманитарными знаніями: онъ придавалъ значеніе юридическимъ наукамъ, что видно хотя бы изъ того, какъ онъ заботился о переводѣ извѣстной книги Пуффендорфа объ обязанностяхъ человѣка и гражданина «внятно

---

1) Catalogus librorum Petri Magni etc., съ „росписью книгамъ, которыми Ея Величество Императрица Библіотеку Государственную изъ Книгохранилища [„musaeo"] Императора Петра Великаго достохвальныя памяти въ 1725 году іюня мѣсяца въ .... день обогатить повелѣла" (въ заглавіи—пробѣлъ для числа); часть „росписи" въ Мат., т. I, сс. 116—119, но только въ русской транскрипціи, съ ошибками. Въ „росписи" между прочимъ значится: [J]. Ozanam, Dictionnaire mathématique, Amst., 1691; Chr. Wolfii, Elementa matheseos universalis, Halle et Magdeb., 1713, 2 tt.; Ath. Kircheri, Gnomica Catoptrica, Avenione, 1635; Chérubin d' Orléans, La dioptrique oculaire, Par., 1671; его же: De visione perfecta, 1678; J. Gaupens, Gnomica mechanica, Augsp., 1711 и др. Кромѣ того, по списку *B*, можно отмѣтить: I. Newtonii, Philosoph. nat. principia mathematica, Amst., 1714 J. Bernoulli, Ars Conjectandi, Basil., 1713; [J]. Ozanam, Cours de mathématiques, 5 vv., Amst., 1689; J. Rohaulti, Physica, Lond., 1710; Ath. Kircheri, Iter exoticum [extaticum ?] coeleste, 1660. А. Нартовъ, Op. cit., с. 89. Пис. и Бум. Петра Великаго, т. I, с. 19; т. IV, сс. 209, 1046—1047; т. V, с. 680; т. VI, с. 455. Сборникъ меморіаловъ и писемъ Лейбница, изд. В. Герье, С.-Пб., 1873 г., сс. 230, 360. J. G. Vockerodt, Russland unter Peter dem Grossen, herausgegeben von E. Hermann, Lpz., 1872, S. 103. Chr. Weber, Das veränderte Russland, 4 Aufl., Fr. u. Lpz., 1744, T. I, S. 482; T. III, S. 230. Д. Перри, Состояніе Россіи и проч., рус. пер. М., 1871 г., сс. 136—137. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 8, 281 — 283. Ср. еще ниже, с. 44, прим. 2.

и хорошимъ стилемъ»; вмѣстѣ съ тѣмъ государь считалъ «достойнымъ примѣчанія» все то, что было «зѣло старо и необыкновенно»; между прочимъ, онъ велѣлъ перевести исторію Стратеманна, а также любилъ читать и наши лѣтописи; «собравъ ихъ довольно», онъ однажды сказалъ Ѳеофану Прокоповичу: «когда увидимъ мы полную Россіи исторію?»[1]). Вообще, испытывая нѣкоторый теоретическій интересъ къ идеямъ Ньютона, Гюйгенса, Рюйша, Пуфендорфа, Стратеманна и другихъ ученыхъ, Петръ Великій часто обнаруживалъ его, однако, въ примитивной формѣ — въ любопытствѣ къ разнымъ раритетамъ и куріозитетамъ.

Впрочемъ, Петръ Великій преимущественно цѣнилъ науку съ утилитарной точки зрѣнія. Царь говорилъ, что

1) Catalogus Petri Magni etc.; изъ „росписи" здѣсь достаточно привести: Acta eruditorum, Lips., 1700—1710, 10 vv.; Antiquae urbis splendor, Romae, 1612; „Colona Trajana"; J. de Wilde, Signa Antiqua, Amst., 1700; его же: Selecta Numismata, 1692; Gemma antiqua, 1703; Thesaurus numismatum modernorum hujus saeculi, Norib. (безъ года); Médailles sur les principaux événements du règne de Louis le Grand, Par. 1702; Corpus historiae Byzantinae, ex typ. regia, 1645—1712, 36 vv. и др. Кромѣ того по списку *B* можно отмѣтить изданія разныхъ классическихъ авторовъ—Аппіана, Валерія Максима, Курція, Лукана, Петронія, Плутарха, Саллюстія. Сенеки, Теренція и Ювенала съ Персіемъ. А. Нартовъ, Op. cit., сс. 31, 34. Я. Штелинъ, Сказанія, сс. 136—138, 156—157. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 287, 295, 297 (объ интересѣ царя къ стариннымъ медалямъ и къ исторіи). И. Голиковъ, Дѣянія, т. VIII, сс. 82—84, 440. Сборникъ выписокъ изъ архивныхъ бумагъ о Петрѣ Великомъ, М. 1872 г., т. I, с. 135; т. II, сс. 56, 74, 79, 81, 84, 133. Пис. и бум. Петра Великаго, т. VI, сс. 117 и 372 и др. Митр. Евгеній, Словарь пис. дух. чина, ч. I, с. 80. Ср. еще Описаніе док. и дѣлъ св. Синода, т. II, ч. 1, № 581 и ч. 2, № 818 (о переводѣ „Книгъ Тита Ливія"). Полн. Собр. Пост., т. III, № 982. С. Соловьевъ, Ист. Рос., Комп. изд., кн. IV, сс. 237—242, 799—800. 200-лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества, С.-Пб., 1911, сс. 130—172, а также ниже с. 42 и др. J. Bacmeister, Essai sur la bibliothèque et le cabinet de curiosités et d'histoire naturelle de l'Académie des sciences de St.-Pétersbourg, 1776, pp. 122—128 (объ интересѣ царя къ „тангутскимъ" рукописямъ). П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 9—10, 213.

«о пользѣ государства пещись надлежитъ неусыпно, доколѣ силы есть» и сталъ «полезность въ государство вводить»; онъ признавалъ и науку «полезностью»; онъ интересовался, напримѣръ, приложеніемъ точныхъ и естественныхъ наукъ къ врачеванію отъ болѣзней и къ промышленной или художественной техникѣ, а не только къ военному и морскому дѣлу; онъ понималъ значеніе географіи, статистики и юриспруденціи для государственнаго благосостоянія и управленія; онъ считалъ весьма важнымъ «вѣдать россійскаго государства исторію» и въ особенности «исторію о великой сѣверной войнѣ» и т. п.[1]). Съ такой утилитарно-политической точки зрѣнія Петръ Великій впервые могъ

1) Catalogus Petri Magni etc.; наибольшая часть этого собранія, судя по „росписи" состояла изъ книгъ по прикладнымъ знаніямъ (H. Schmitz, Theatrum machinarum, Norib., 1686 и др.; ср. выше, с. 10, прим. 1) и другимъ, въ особенности по географіи (O. Dappers, Asia, Amst., 1672; Historische, Politische und Geographische Beschreibung des Königreichs Schweden, Regensp., 1707 и др.; ср. еще „роспись чертежамъ [картамъ и планамъ] въ разныхъ кабинетахъ Петра Великаго находящихся", въ Библ. Имп. Академіи Наукъ, II Отд., № XXIa/11); по архитектурѣ (Vitruvii, Architectura, Amst., 1649 и фр. пер. Gérault въ 2 экз.; Cours d'architecture enseignée dans l'Académie royale d'Architecture à Paris, 1677, 10 vv., (непол.) (и др.; по военнымъ наукамъ (Le véritable Vauban, à la Haye, 1709; J. Sellers, Practical Navigation, Ld., 1694 и др.) и т. п. Въ спискѣ *B* упомянуты еще: Architecture de Vignole, Leide, 1712; Minno B. de Coehorn, Nouvelle Fortification à la Haye, 1711 и др. Ср. еще нѣсколько дополнительныхъ свѣдѣній въ спискѣ книгъ, данныхъ въ царскую библіотеку П. Мошковымъ 1 августа 1717 г., ib., л. 11. А. Нартовъ, Разсказы, сс. 28, 45, 56, 98. J. G. Vockerodt, Russland etc., S. 103. И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, сс. 208—211; т. VIII, сс. 127—129, 139—141; т. IX, с. 129. По прибытіи въ Ригу въ 1721-омъ году, Петръ Великій писалъ кн. Меншикову, 15 апрѣля: „Когда деревья станутъ раскидываться, тогда велите присылать намъ листочки оныхъ понедѣльно, наклавши на бумагу, съ подписаніемъ чиселъ"; въ другомъ, аналогичномъ предложеніи, онъ добавляетъ: „дабы узнать, гдѣ ранѣе началась весна"; см. И. Голиковъ, Дѣянія., т. VIII, сс. 471—472, 489. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 9, 317, 345—350, 520, 526, 527 и др. Ср. ниже сс. 44 — 45 и 57.

дать наукѣ прочное положеніе въ государствѣ: не отдѣляя науки отъ жизни, онъ признавалъ пользу ея для государства, причемъ понималъ ее въ довольно глубокомъ и широкомъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, Петръ Великій придавалъ гораздо болѣе углубленный теоретическій характеръ техническимъ знаніямъ: онъ ясно сознавалъ, напримѣръ, что для того, чтобы строить «шанцы» или суда нужно обладать разнообразными научными свѣдѣніями, а не довольствоваться одними только техническими приспособленіями. Съ такой точки зрѣнія царь готовъ былъ цѣнить даже отвлеченныя исканія, хотя бы въ области алхиміи или вѣчнаго движенія. Современникъ разсказываетъ, что, въ бытность свою въ Гагѣ, онъ будто-бы сказалъ Албельмарлю, вмѣстѣ съ которымъ ему пришлось посѣтить одного изобрѣтателя: «я ни мало не хулю алхимиста, ищущаго превращать металлы въ золото, механика, старающагося сыскать вѣчное движеніе [perpetuum mobile]...; изыскивая чрезвычайное, [они] незапно изобрѣтаютъ многія побочныя полезныя вещи»[1]). Царь отличался и дальновидностью своихъ утилитарныхъ соображеній. Современникъ повѣствуетъ о томъ, какъ самъ онъ садилъ дубовые желуди близъ Петербурга, по Петергофской дорогѣ, и замѣтивъ, однажды, что одинъ изъ стоящихъ тутъ сановниковъ улыбнулся его трудамъ, гнѣвно промолвилъ: «понимаю! ты мнишь, не доживу я [до] матерыхъ дубовъ; правда! но ты — дуракъ: я оста-

1) А. Нартовъ, Op. cit., с. 96. Такія слова, во всякомъ случаѣ, не противорѣчатъ міровоззрѣнію Петра Великаго: онъ очень заинтересовался. напримѣръ, „колесомъ Орфиреевымъ“; см. Мат., т. I, с. 4; ср. И. Голиковъ, Дѣянія, т. IX, сс. 457, 490. Сб. мем. и пис. Лейбница, с. 362. Chr, Wolff, Briefe, SS. 161 — 164, 169, 225, 228. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 34, 52, 534, 539.

вляю примѣръ прочимъ, чтобъ дѣлая тоже, потомки со временемъ строили изъ нихъ корабли; не для себя тружусь, польза государству впредь»[1]). Съ такой точки зрѣнія государь могъ цѣнить и ту науку, которая не приносила немедленно плодовъ: онъ признавалъ её полезной для будущаго, если не для настоящаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ Петръ Великій широко понималъ область приложенія науки: онъ особенно сознавалъ важность тѣхъ знаній, которыя вообще нужны всякому для практической жизни и для государственной пользы: онъ разумѣлъ подъ техникой не однѣ только «военныя и навигацкія науки», но и тѣ, которыя нужны для сохраненія жизни и здоровья и могли пригодиться для хозяйства, земледѣлія, промышленности и торговли или для научныхъ и художественныхъ работъ, а также причислялъ къ нимъ и такія дисциплины, которыя служили для благоустройства и украшенія жизни, для поучительныхъ развлеченій и т. п.; къ техникѣ онъ относилъ, наконецъ, и «знаніе гражданскихъ и политическихъ дѣлъ», веденіе которыхъ отнынѣ не могло уже довольствоваться житейскою мудростью, навыкомъ или рутиной.

Въ виду такихъ соображеній Петръ Великій много заботился о переводѣ книгъ, которыя могли бы способствовать развитію техническихъ знаній; онъ повелѣлъ, напримѣръ, перевести географію Варенія, архитектуру Виньолы и искусство фортификаціи Вобана; кораблестроеніе Аллярда; мореплаваніе Мансона; артиллерію Брауна и т. д.; онъ хотѣлъ, чтобы такіе переводы были сдѣланы съ знаніемъ предмета и языка и даже находилъ время для того, чтобы «внятнѣе переводить» или исправлять мало вразуми-

---

1) **А. Нартовъ**, Op. cit., с. 48; ср. **П. Пекарскій**, Ист. А. Н., т. I, с. XIII.

тельные тексты, напримѣръ, изъ книгъ Гохберга, Римплера, Блонделя и т. п.[1]).

Благодаря тому, что Петръ Великій цѣнилъ научныя основы техники, а не только практическія ея приложенія, онъ хотѣлъ усвоить и привить общія ея начала и стремился оградить ее отъ вырожденія въ мертвую рутину. Во время пребыванія своего въ Голландіи, напримѣръ, царь узналъ, что корабли строятся въ Англіи по планамъ, на которыхъ пропорціи ихъ точно указаны, а не такъ, какъ въ Голландіи — преимущественно въ силу традицій мастеровъ, согласно навыкамъ, усвоеннымъ путемъ практики; предпочитая англійскій способъ голландскому, онъ переѣхалъ въ Англію для того, чтобы тамъ усовершенствоваться въ искусствѣ строить корабли[2]).

Въ своихъ попеченіяхъ о пользѣ государства Петръ Великій тѣмъ не менѣе слишкомъ подчинялъ науку тех-

1) И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, с. 382; т. VIII, с. 455; т. IX, с. 19; Собраніе Ѳ. Туманскаго, ч. I, сс. 57—58. Ср. Сб. Ист. Общ., т. XI, сс. 118, 120, 122, 127—128, 535. Пис. и бум. Петра Великаго, т. IV, с. 477; т. V, сс. 53—54, 283, 413, 681, 713; т. VI, сс. 111, 112, 127, 211, 370, 399. С. Соловьевъ, Ист. Россіи, Комп. изд., кн. IV, сс. 15—16, 802. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 10, 207, 214, 216 и 227; т. II, сс. 212, 281 и 585; 216 и 241; 223, 242, 431, 517, 618; см. также сс. 46, 209, 211, 453 и др.; ср. еще письма Петра Великаго А. Веселовскому отъ 16 декабря 1715 г. о переводѣ двухъ универсальныхъ лексиконовъ, въ одномъ изъ которыхъ „есть всѣ художества"; послѣдній, вѣроятно, и есть тотъ лексиконъ „artium et scientiarum", который въ письмѣ отъ 8 іюня 1716 г. названъ „Тельниковымъ"; П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, с. 231, 232; ср. еще с. 243.

2) Книга уставъ морской и проч., С.-Пб., 1720, сс. 52 — 56; извѣстно, что Петръ Великій самъ составилъ предисловіе къ морскому уставу; см. его редакцію въ соч. Н. Устрялова, Ист. Петра Великаго, т. II, сс. 400—401. Ср. И. Голиковъ, Дѣянія, т. VIII, сс. 410, 444—445; т. IX, с. 27. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 10 — 11; т. II, сс. 481 — 484. Commentarii Academiae Scientiarum Petropolitanae, Petropol. 1728, t. I, p. VII. Ср. B. de Fontenelle, Suite des éloges des académiciens etc. Par. 1733, p. 18.

никѣ, что, конечно, объясняется и личными склонностями царя: убѣжденный въ пользѣ ея для государства, онъ интересовался самыми разнообразными ея отраслями: по словамъ современника, «кажется, не было такого искусства или ремесла, съ которымъ самъ онъ не ознакомился бы въ большихъ или меньшихъ подробностяхъ», а нѣкоторыя изъ нихъ, напримѣръ, токарное дѣло и кораблестроеніе, онъ изучилъ до тонкостей и практиковалъ съ успѣхомъ [1]).

Впрочемъ, Петръ Великій умѣлъ цѣнить не только техническое, но и культурно-политическое значеніе наукъ и искусствъ: онъ понималъ, что современное государство, развивая ихъ, тѣмъ самымъ усиливаетъ свое могущество: онъ полагалъ, что «академики должны пріобрѣсть намъ въ Европѣ довѣріе и честь, доказавъ на дѣлѣ, что у насъ работаютъ для науки и что пора перестать считать насъ за варваровъ, пренебрегающихъ наукой»; онъ также предписывалъ «вводить куріозныя художества въ Россійской Имперіи» и требовалъ, чтобы «сдѣланныя вещи россійскимъ мануфактурамъ и фабрикамъ могли славу принести» и т. п. [2]).

Съ такимъ широкимъ и жизненнымъ пониманіемъ просвѣщенія, наукъ и искусствъ Петръ Великій приступилъ и къ насажденію ихъ въ Россіи.

Достаточно сопоставить планы и проекты Лейбница съ

1) И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, 195—196, 231, 383; т. VIII, сс. 137, 191, 225—226; т. IX, сс. 233—234, 349, 351—352, 409, 513—514. Собраніе Ѳ. Туманскаго, ч. I, с. 53; о покупкѣ книгъ, касающихся, главнымъ образомъ, техническихъ знаній, см. Сб. вып., т. II, сс. 30—31, 77. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 31, 360. Д. Перри, Op. cit., с. 107; компетентный авторъ называетъ его, между прочимъ, „великимъ мастеромъ кораблестроенія“; см. ib., с. 106. Ср. еще Пис. и бум. Петра Великаго, т. I, сс. 229—233, 321—323, 356—357, 451—453; т. III, сс. 316—317; т. V, сс. 33, 230; т. VI, сс. 93, 123. С. Соловьевъ, Ист. Росс., Комп. изд., кн. IV, сс. 243—244.

2) И. Голиковъ, Дѣянія, т. X, с. 32. П. С. З., т. VII, № 4378.

просвѣтительной политикой Петра Великаго для того, чтобы убѣдиться въ томъ, что она соотвѣтствовала тѣмъ цѣлямъ, какія ставили ей образованнѣйшіе люди того времени.

Въ запискѣ, написанной для Лефорта, вѣроятно, въ 1697 г., Лейбницъ указывалъ, напримѣръ, на слѣдующія задачи, предстоящія русскому правительству: «образовать общее учрежденіе для наукъ и искусствъ»; «привлечь способныхъ [къ тому] иностранцевъ»; «выписать изъ-за границы разныя вещи, достойныя вниманія», какъ то: книги и наставленія касательно разнаго рода матерій, всякіе куріозитеты и рѣдкости, модели, изобрѣтенія, приборы и т. п., а также художественныя произведенія, статуи и картины, медали и другія древности и т. п.; для такихъ цѣлей устроить библіотеки, книжныя лавки и типографіи, «кабинеты» куріозитетовъ и рѣдкостей, произведеній искусства, медалей и проч., а также музеи (maisons de travail), знакомящіе съ разнаго рода машинами и изобрѣтеніями и съ ихъ функціонированіемъ, ботаническіе и зоологическіе сады и т. п.; «заставить подданныхъ путешествовать въ чужихъ краяхъ, впрочемъ, не безъ предосторожностей»; «образовывать народы у себя дома», т. е. основывать школы и академіи наукъ и искусствъ, а также ремеслъ (exercices), причемъ обучать тѣхъ, которые должны сдѣлаться учеными, математикѣ, языкамъ (въ особенности латинскому) и исторіи; «сдѣлать точное описаніе страны для того, чтобы узнать ея нужды», т. е. снять карты, отмѣтить языки и нравы населенія и его занятія, то, что приноситъ страна и что она могла-бы приносить, и т. п.; наконецъ, «восполнить то, что не достаетъ странѣ, напримѣръ: дѣлать посѣвы хлѣбныхъ и другихъ растеній, садить хорошія деревья, разыскивать руду, устраивать стеклянные и другіе заводы, на-

ставлять людей воздѣлывать землю, заводить стада животныхъ, устраивать каналы и предпринимать другія полезныя работы» [1]). Согласно общепринятымъ взглядамъ на просвѣщенный абсолютизмъ Лейбницъ охотно возлагалъ осуществленіе такихъ плановъ въ Россіи на Петра Великаго: онъ думалъ, что самодержавный государь, стремящійся къ просвѣщенію, въ большей мѣрѣ соблюдетъ единство замысла въ предлагаемыхъ имъ реформахъ, а также окажется въ состояніи свободно, быстро и легко привести ихъ въ исполненіе въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ, воспользовавшись опытомъ западныхъ и восточныхъ странъ и избѣгнувъ ихъ ошибокъ [2]).

Въ сущности, Петръ Великій придерживался программы, почти во всемъ соотвѣтствовавшей пожеланіямъ Лейбница,

1) G. G. Leibniz, Oeuvres, publ. par A. Foucher de Careil, Par., 1875, t. VII, pp. 430—438; то-же въ Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 14—19; ниже приводятся большею частью ссылки на одинъ только „Сборникъ".

2) Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 27, 76, 95, 121, 173, 175, 176, 199, 207, 217. Философъ-раціоналистъ полагалъ, между прочимъ, что должно содѣйствовать процвѣтанію наукъ и искусствъ, имѣя въ виду „пользу всего человѣческаго рода", а не одной только своей страны, хотя бы оно и осуществилось съ бо̀льшимъ успѣхомъ въ Россіи, чѣмъ въ Германіи—см. ib., сс. 203, 208; что въ Россіи, представляющей еще „tabulam rasam", легко провести стройный планъ реформъ—см. ib., сс. 9, 76, 121, 173, 175, 176, 180, 207; что Россія очень мало изслѣдована въ научномъ отношеніи—см. ib., сс. 69, 173, 175, 180; что Россіи надо „брать лучшее съ одной стороны изъ Европы, съ другой изъ Китая"; см. ib., сс. 76, 121, 173, 207, 217, 312. Послѣдователь Лейбница—Хр. Вольфъ придерживался аналогичныхъ мнѣній; по поводу смерти Петра Великаго онъ писалъ Блументросту: „Ew. Hochedelgebohrnen kan aufrichtig versichern, dasz... ich nichts mehr gewünscht als dasz Ihro Majestät die Kayserin den Thron mit solcher unumschränkten Gewalt besteigen möchten, als Dero Allerdurchlautigster Gemahl denselben besaszen: als welches ich für das einige Mittel angesehen wie Ruszland nicht allein in seinem Flore können erhalten werden, sondern auch noch auf einen höheren Giepffel steigen"; см. Chr. Wolff, Briefe, изд. А. Куникомъ, St.-Petersburg, 1860, S. 41. Cp. ib., SS. 45—46, 47.

и, значитъ, ставилъ себѣ задачи, которыя самые просвѣщенные люди того времени считали очередными. Впрочемъ, Петръ Великій стремился осуществить ихъ въ виду государственнаго интереса или государственной пользы, и въ томъ именно смыслѣ, въ какомъ самъ онъ понималъ ихъ; царь исполнялъ ихъ, пользуясь своимъ «самовластіемъ» и прибѣгалъ иногда къ крутымъ мѣрамъ, которыя, разумѣется, часто мѣшали надлежащему осуществленію его просвѣтительныхъ цѣлей; но онъ все же признавалъ ихъ цѣнность для государства и старался избѣгать личнаго произвола въ выборѣ того, что казалось ему полезнымъ для развитія наукъ и искусствъ въ Россіи, хотя и не усматривалъ, такъ же, какъ и большинство его современниковъ, той связи, какая существуетъ между ихъ процвѣтаніемъ и свободной общественной самодѣятельностью.

Въ началѣ своего царствованія Петръ Великій былъ, однако, слишкомъ занятъ внѣшними войнами для того, чтобы находить достаточно времени для систематическаго насажденія въ Россіи европейской культуры; и только послѣ того, какъ онъ «оградилъ отечество безопасностью отъ непріятеля», царь оказался въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ для пріобрѣтенія «славы государству чрезъ искусства и науки» [1]).

Такое настроеніе не замедлило обнаружиться и въ основаніи того учрежденія, которое Петръ Великій одновременно считалъ и собраніемъ ученыхъ и искусныхъ людей, и университетомъ, и даже гимназіей. Вопреки тѣмъ сомнѣніямъ, которыя намѣреніе его вызывало со стороны иностранныхъ ученыхъ, да и русскихъ образованныхъ лю-

1) А. Нартовъ, Op. cit., с. 99; ср. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 77, 83, 88, 114, 117, 126, 173, 217, 237, 336.

дей, напримѣръ, Вольфа и Татищева, и несмотря на тѣ затрудненія, какія осуществленіе его должно было встрѣтить въ странѣ, все еще очень бѣдной и духовными, и матеріальными средствами и далеко еще не обладавшей политическими условіями, нужными для ихъ развитія, преобразователь настоялъ на своемъ и сдѣлалъ все нужное для того, чтобы обезпечить открытіе Академіи, послѣдовавшее вскорѣ послѣ его смерти [1]).

Мысль объ учрежденіи Академіи «вѣждествъ», вѣроятно, сложилась у Петра Великаго подъ вліяніемъ его знакомства съ европейской цивилизаціей и, въ частности, благодаря его сношеніямъ съ геніальнымъ представителемъ нѣмецкой культуры — Лейбницемъ. Великій философъ не разъ высказывалъ европейскимъ правительствамъ свои взгляды на значеніе просвѣщенія и стоялъ за учрежденіе центральнаго органа, который завѣдывалъ бы его разнообразными отраслями; онъ широко понималъ науку — въ смыслѣ нѣмецкаго термина «Wissenschaft», а не французскаго — «science» и включалъ въ кругъ ея вѣдѣнія самыя разнообразныя знанія: философскія, математическія, естественнонаучныя, юридическія, историческія; онъ признавалъ тѣсную связь между науками и искусствами и много хлопоталъ объ учрежденіи академій или обществъ для ихъ совершенствованія; онъ полагалъ, что академіи должны также стоять въ извѣстномъ отношеніи къ высшимъ и низшимъ учебнымъ заведеніямъ и т. п. [2]). Аналогичныя ре-

1) Chr. Wolff, Briefe, S. 19. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, с. XIII.

2) G. G. Leibniz, Oeuvres, publ. par A. Foucher de Careil, Par. 1875, t. VII, pp. 64, 95, 261 sq., 280 sq. и др. Философъ писалъ между прочимъ: „augebuntur artes et scientiae universali quantum fieri potest corresponsu, tum diligentissimis inquisitionibus in naturam rerum“. Подъ терминомъ „академія“

формы Лейбницъ предлагалъ, разумѣется, осуществить и въ Россіи: мечтая сдѣлаться для нея «своего рода Соломономъ», онъ совѣтовалъ царю основать «коллегію», которая надзирала бы за всѣмъ, что касается просвѣщенія и что могло бы содѣйствовать благосостоянію его подданныхъ путемъ усовершенствованія наукъ и искусствъ [1]); онъ признавалъ очень желательнымъ учредить въ одной изъ его столицъ общество, которое заботилось бы о ихъ преуспѣяніи [2]); онъ намѣчалъ общій планъ его работъ, рекомендуя, въ томъ числѣ, составленіе систематическаго свода или энциклопедіи разнообразныхъ знаній [3]); онъ считалъ полезнымъ устроить разныя научныя учрежденія, въ особенности кунсткамеру и библіотеку [4]); онъ указывалъ и на то, что «совершенствованіе наукъ и искусствъ» въ большомъ царствѣ находится въ связи съ преподаваніемъ ихъ въ школахъ, высшихъ и нисшихъ, съ широкимъ кругомъ

Лейбницъ разумѣлъ иногда и высшую школу; такое-же словоупотребленіе можно встрѣтить и у Петра Великаго примѣнительно къ среднимъ учебнымъ заведеніямъ; ср. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. XXI, XXII, XXIII, XXIV.

1) Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 16, 98, 173, 181, 182, 219, 237; Лейбницъ называетъ такое учрежденіе то коллегіей (Collegium, Obercollegium), то „общимъ установленіемъ“ (Allgemeine Anstalt, Établissement général), то совѣтомъ (Conseil particulier); о претензіи быть „Солономъ Россіи“ см. ib., сс. 272, 283.

2) G. G. Leibniz, Oeuvres, publ. par A. Foucher de Careil, t. VII, p. 404. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 121, 190, 220.

3) G. G. Leibniz, Oeuvers, publ. par A. Foucher de Careil, t. VII, p. 410. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 121, 276, 280, 346, 357 и сл.

4) Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 96—98, 182, 220, 349 и сл.; ср. сс. 338 и 340; философъ совѣтовалъ учредить „theatrum naturae et artis“, въ составъ котораго включалъ и кунсткамеру, но, кромѣ того, особенно настаивалъ на образованіи библіотеки и „кабинета“; см. ib., с. 220; онъ также говорилъ и объ обсерваторіи и лабораторіи, и о зоологическомъ и ботаническомъ садахъ, и о типографіи.

образованія и т. п. [1]). Съ большой настойчивостью предлагая такія реформы, Лейбницъ обращалъ вниманіе царя на ту славу и пользу, которыя Академія можетъ принести его царству, не забывая упомяпуть и о томъ, что устройство ея потребуетъ лишь малыхъ расходовъ [2]). Въ извѣстной запискѣ о коллегіяхъ, составленіе которой преданіе также приписываетъ Лейбницу, нѣкоторыя изъ вышеприведенныхъ положеній нѣсколько болѣе развиты: авторъ записки убѣждаетъ царя учредить коллегію ученыхъ, которые должны работать надъ усовершенствованіемъ человѣческихъ знаній, а также смотрѣть за тѣмъ, чтобы «младенчество въ государствѣ во всякихъ добрыхъ наукахъ воспитано было», и «испытывать способности молодыхъ людей, отправляемыхъ въ чужіе края, о чемъ и доносить его величеству для послѣдующихъ распоряженій...»; онъ отмѣчаетъ также практическія выгоды такого учрежденія и усматриваетъ ихъ въ томъ, что благодаря ему, «необученіе невидимо изъ государства выгнано будетъ»; что въ сомнительныхъ случаяхъ можно будетъ требовать у него совѣта; что «чужестранные чрезъ то въ государство привлечены будутъ, гдѣ толь многія искусныя и ученыя особы обрѣтаются»; что «молодые люди съ толь лучшею пользою изъ чужихъ краевъ возвратятся и многія иждивенія отъ его величества сбережены быть могутъ»; что «получитъ чрезъ

---

1) Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 220, 349, 351 и сл.

2) G. G. Leibniz, Oeuvres, t. VII, p. 411. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 128, 203, 205, 208, 210, 218, 221, 237. Въ своихъ „Generale Reflexions über die Ordnung und Oeconomie der Finanzen in Russland...“ Лейбницъ указывалъ еще на то, что благодаря наукамъ и искусствамъ много денегъ будетъ оставаться въ странѣ и ввозиться въ ея предѣлы“; см. M. Posselt, Peter der Grosse und Leibnitz, Dorpat, 1843, S. 252.

то его царское величество изъ собственнаго своего народу искусныхъ во всѣхъ наукахъ людей...» [1]).

---

1) M. Posselt, Peter der Grosse und Leibnitz, Dorpat, 1843, SS. 209—210, 226—232; ср. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. XX—XXV и сс. 364—369; современный русскій переводъ въ Гос. Арх., Каб. П. В., Вход., № 38, лл. 183—190. Авторъ записки въ сущности, предлагаетъ устроить на ряду съ коллегіумами „статскимъ, воинскимъ...“ и проч. и „коллегіумъ наукъ“, а подъ „академіей“ разумѣетъ учебное заведеніе и тутъ-же намѣчаетъ систематическій планъ его занятій; при „академіи“ онъ считаетъ нужнымъ устроить и библіотеку, и типографію. Несмотря на нѣкоторыя сомнѣнія, В. И. Герье все-же склоняется въ пользу предположенія, что записка принадлежитъ Лейбницу; П. Н. Милюковъ, напротивъ, отрицательно относится къ такому предположенію на томъ основаніи, что Лейбницъ разсуждаетъ о коллегіяхъ, какъ о новости, и значитъ, могъ написать ее въ 1711 г.; „но при болѣе ранней датировкѣ остается въ силѣ главное затрудненіе, именно, что, говоря подробнѣйшимъ образомъ о своихъ трудахъ и предположеніяхъ относительно судебной реформы, Лейбницъ самъ ограничиваетъ свое участіе въ устройствѣ „хорошихъ законовъ“; см. П. Милюковъ, Госуд. хоз. Россіи и проч., С.-Пб., 1892 г., сс. 567—568. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что при перечисленіи трудовъ, о которомъ идетъ рѣчь, Лейбницъ отдѣльно и довольно неопредѣленно говоритъ о томъ, что онъ дѣлалъ предложенія относительно наукъ („ein und anders bereits Münd- und schrifftlich vorgeschlagen“ и т. п.). Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя не высказать слѣдующихъ соображеній: 1) запись, приведенная П. П. Пекарскимъ, упоминаетъ объ отдачѣ гр. В. Г. Орловымъ въ 1767 г. полученныхъ имъ изъ библіотеки „пяти писемъ на иностранныхъ языкахъ съ переводами...., писанныхъ отъ Лейбница къ государю императору Петру I.... о заведеніи въ Россіи наукъ и художествъ и объ учрежденіи коллегій....“, причемъ записка объ учрежденіи коллегій могла быть поставлена здѣсь наряду съ тѣми, которыя касались наукъ и художествъ въ виду того, что, въ сущности, относилась къ тому же предмету; о всѣхъ „письмахъ“, слѣдовательно и о послѣднемъ сказано, что они „писаны отъ Лейбница“; 2) въ одномъ изъ своихъ записокъ къ герцогу Антону Ульриху Лейбницъ (1711 г.) обнаруживаетъ интересъ къ такой именно темѣ: „Und stehe ich demnach in dem Gedanken E. D. Kräftige Vorschrifft durch den von Urbich bei dem Czar gebührend anbracht, würde zu Wege bringen dass mir von diesem Monarchen aufgetragen würde.... auch an Entwurf einer allgemeinen Verfassung der Künste und Wissenschaften zu arbeiten, dass ein Obercollegium wie in China unter des Monarchen hoher Anstalt verfasset und durch solches die guten Verordnungen bewerckstelligt, die Unterweisung der Jugend wohl eingerichtet....“ и т. д.; см. Сб. мем. и пис. Лейбница, с. 173; ср. с. 237; 3) въ самой запискѣ о коллегіяхъ авторъ выска-

Просвѣтительныя идеи Лейбница получили наилучшее свое осуществленіе въ Берлинѣ, гдѣ, благодаря ему, еще при его жизни, возникла Прусская академія съ ея научно-практическимъ и національнымъ характеромъ: она, правда, не вмѣстила въ себя философію; но кругъ ея занятій все же былъ очень широкимъ: судя по учредительному акту Фридриха III отъ 11 іюля (н. с.) 1700 г., она должна была содѣйствовать совершенствованію наукъ и «художествъ» (прикладныхъ знаній), а также слѣдить за преподаваніемъ ихъ въ школахъ[1]). Вслѣдъ за тѣмъ начала, развитыя Лейбницемъ, стали примѣняться и въ С.-Петербургѣ. Вскорѣ послѣ свиданія Петра Великаго съ Лейбницемъ въ Торгау, царь произвелъ честолюбиваго ученаго въ «тайные юстицъ-совѣтники» и, въ особой грамотѣ, выразилъ надежду, что онъ будетъ содѣйствовать насажденію наукъ и искусствъ, а также учебныхъ занятій въ Россіи; въ виду своего намѣренія способствовать ихъ процвѣтанію, царь выразилъ желаніе, чтобы Лейбницъ предлагалъ свои проекты и «рекомендаціи» русскому правительству, за что

зываетъ положенія, очень сходныя съ тѣми, которыя Лейбницъ излагалъ въ своихъ сочиненіяхъ, проектахъ и письмахъ; ср., напримѣръ, понятіе о „Gott der Ordnung“ съ Essais de Theodicée, Laus., 1760, t. II, p. 344 и др.; ученіе объ „основныхъ силахъ души“ (Verstand und Wille)—съ ученіемъ Лейбница о монадахъ; см. E. Zeller, Geschichte der deutschen Philosophie, S. 118; разсужденія о „коллегіи ученыхъ“ и пр. съ приведенными въ текстѣ планами, принадлежность которыхъ Лейбницу не заподозрѣна; болѣе мелкія совпаденія также замѣтны при сличеніи нѣкоторыхъ мѣстъ записки съ другими текстами, напечатанными въ Сборникѣ, напримѣръ: на с. 98 (о коллегіи ученыхъ), 182 (о ея директорѣ), 217—218 (о предметахъ, которые нужно имѣть въ виду при описаніи коллегіи), 219 (о ея вѣдомствѣ), 286 (о незнаніи военныхъ дѣлъ) и т. п.

1) [J. Formey?], Histoire de l'Académie royale des Sciences et Belles Lettres, Berlin, 1750, p. 7. Лѣтъ за пять до того возникла Академія Художествъ (живописи, скульптуры и архитектуры).

онъ и будетъ получать отнынѣ ежегодное жалованіе [1]). Во всякомъ случаѣ царь могъ ознакомиться съ нѣкоторыми изъ записокъ Лейбница, переведенными для него на голландскій или на русскій языкъ, и принять ихъ въ соображеніе при «насажденіи наукъ и искусствъ» въ Россіи [2]). Въ самомъ дѣлѣ, подъ «вѣждествами» Петръ Великій, подобно Лейбницу, разумѣлъ и математическія, и физическія, и естественныя, и юридическія и историческія науки, а также присоединялъ къ нимъ «художества» и ввелъ ихъ въ кругъ занятій Академіи; онъ воспользовался и другою мыслью Лейбница — о связи между академіей и школой, но примѣнилъ ее, къ самой Академіи, а не къ государству, въ которомъ, по мысли Лейбница, должны были существовать на ряду съ Академіей связанные съ нею университеты, и другія школы [3]). Вскорѣ послѣ свиданія въ

---

1) M. Posselt, Peter der Grosse und Leibnitz, Dorpat, 1843, SS. 213—214: царская грамота, здѣсь напечатанная, относится къ 1 ноябрю 1712 г.; ср. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 268—271. Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ того-же года Лейбницъ писалъ: „Es ist mir gesagt worden Seiner Czaarischen Majestät hätten sonderlich Lust einige Anstalten zu Petersburg circa studia förderlichst zu machen...“; см. ib. cc. 209, 219; ср. cc. 271, 272. Между прочимъ, Лейбницъ уже въ 1713 году рекомендовалъ царю извѣстнаго доктора Шейхцера (Scheuchzer), изъ Цюриха; см. Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 231, 238, 261, 289, 290, 313, 315, 316, 320. Лейбницъ, отсовѣтовалъ, однако, Вольфу ѣхать въ Россію; см. Chr. Wolff, Briefe, изд. А. Куникомъ, С.-Пб., 1860, S. XII; ср. SS. 225—227.

2) Сб. мем. и пис. Лейбница, сс. 78, 113, 173, 200, 205, 217, 226, 230, 250, 256.

3) Мат., т. I, сс. 14—22 и 22—26. Кругъ научно-техническихъ занятій Академіи, судя по ея уставу, довольно близко подходилъ къ тому, который Лейбницъ намѣтилъ, напримѣръ, въ своемъ, впрочемъ, не состоявшемся проектѣ учрежденія Вѣнской Академіи; см. G. G. Leibniz, Oeuvres, publ. par A. Foucher de Careil, t. VII, pp. XXIX, 317—318. Проектъ устройства нашей Академіи также рекомендуетъ имѣть въ виду, чтобы и „экономія учена была“, „ибо во общемъ жительствѣ ученіемъ ея великая прибыль и польза чинится“; между тѣмъ, въ одной изъ своихъ записокъ Лейбницъ пи-

Торгау царь даже поручилъ посреднику въ его сношеніяхъ съ Лейбницемъ — извѣстному Гюйссену, судя по его словамъ, составить «проектъ объ обществѣ ученыхъ, знающихъ юриспруденцію, математику и исторію, чтобы пересматривать, переводить и издавать полезныя книги» [1]). Въ то время,

---

салъ, что „auff einer jeden Universitat ein professor oeconomices gehalten werden sollte"; см. Сб., с. 353; Chr. Wolff, Briefe, S. 173.

1) P. von Haven, Nachrichten von dem Russischen Reich, въ A. Busching's Magazin für neue Historie und Geographie, Halle, 1776, t. X, SS. 323, 324; въ то-же время Гюйссенъ долженъ былъ написать проектъ объ открытіи публичной библіотеки и зала для искусствъ и для естественныхъ наукъ; ср. проекты Лейбница, предлагавшаго, между прочимъ, устроить „theatrum naturae et artis"; см. Сб. мем. и пис. Лейбница, с. 97 и др. Изъ контекста замѣтокъ Гюйссена къ сожалѣнію, не видно, когда именно онъ составилъ свой проектъ: авторъ сообщаетъ здѣсь лишь о томъ, что онъ вернулся въ С.-Петербургъ въ 1713 году, а затѣмъ говоритъ, что онъ „тамъ" долженъ былъ „выработать" нѣсколько „записокъ", во главѣ которыхъ ставитъ записку о должности фискала; указъ объ учрежденіи фискаловъ относится еще къ 1711 г., а извѣстный указъ о должности фискаловъ — къ 17 марту 1714 года; см. П. С. З., т. V, № 2786; ср. Сб. Ист. Общ., т. XI, с. 276. При перечисленіи составленныхъ имъ проектовъ, Гюйссенъ непосредственно передъ проектомъ объ обществѣ ученыхъ упоминаетъ о проектѣ учрежденія „школъ, гимназій и академій для морскихъ и сухопутныхъ кадетовъ, для искусствъ и наукъ", а вслѣдъ за проектомъ объ учрежденіи „общества ученыхъ" и проч., помѣщаетъ проектъ о почтахъ. Между тѣмъ бар. Сентъ-Илеръ уже въ 1713 г. представлялъ проектъ морской академіи, инструкція которой относится къ 1 октября 1715 г. см. Ѳ. Веселаго, Очеркъ исторіи морского кадетскаго корпуса, С.-Пб., 1852 г., Прил., сс. 121—125. П. С. З., т. V, № 2937; ср. Сбор. вып., т. II, с. 47. Пекарскій указалъ на то, что журналъ Welt-Spiegel за 1714 г., Th. 66, S. 614 содержитъ извѣстіе о намѣреніи его царскаго величества учредить въ Петербургѣ „академію"; см. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, с. 45. Высочайшая резолюція объ учрежденіи почтъ относится къ 11 іюня 1718 г.; см. П. С. З., т. V, № 3208. Въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ вышеприведенными указаніями и Голиковъ утверждаетъ, что „планъ" Академіи былъ „учиненъ" государемъ „еще въ 1716 году"; см. И. Голиковъ, Дѣянія, т. XIII, сс. 381—385. Ср. также M. Posselt, Op. cit., S. 272. Царское повелѣніе о постройкѣ новыхъ зданій „для замышляемой имъ" Академіи и ея учрежденій Голиковъ относитъ къ 1719 году; см. И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, сс. 225—226, 350.

однако, преобразователь уже собирался или предпринялъ новое заграничное путешествіе, въ теченіе котораго вниманіе его могло быть отвлечено отъ работъ, порученныхъ Гюйссену, и устремилось, между прочимъ, на парижскія академіи.

Общее мнѣніе, а также вѣрное чутье подсказало Петру Великому, что здѣсь и надо было искать образцы академическаго устройства. Въ то время Франція была очагомъ наукъ и художествъ. Универсальный геній просвѣщенія—Лейбницъ самъ указалъ на то, что Франція получила тогда умственное превосходство надъ остальными странами Европы: въ философскихъ изысканіяхъ Декартъ низложилъ Аристотеля и своимъ механическимъ объясненіемъ природы проникъ въ преддверіе истины; въ области математики и физики—Паскаль и Гюйгенсъ сдѣлали капитальныя открытія, вскорѣ получившія дальнѣйшее развитіе благодаря учрежденію Академіи Наукъ; точность, требуемая современной наукой проникла и въ область историческихъ знаній лучше всего представленныхъ французскими историками, напримѣръ, Мабильономъ и Балюзіемъ и т. п. Вольфъ, въ одномъ изъ своихъ писемъ къ царю, также превозносилъ извѣстную «всему свѣту» Парижскую академію» [1]).

Въ самой Франціи, разумѣется, уже ясно сознавали цѣнность науки. Старшій современникъ Петра Великаго—Кольберъ—хорощо понималъ, напримѣръ, важное ея значеніе для государства и то развитіе, какое она можетъ получить въ учрежденіи, члены котораго сотрудничали-бы въ исполненіи общаго и организованнаго плана научныхъ

1) L. Daville, Leibniz-historien, Par. 1909, pp. 600, 738—739. Chr. Wolff, Briefe, S. 11.

работъ: онъ покровительствовалъ основаннымъ въ его время академіямъ и съ утилитарной точки зрѣнія полагалъ, что въ научно-техническомъ отношеніи онѣ должны приносить пользу государству. Вскорѣ по основаніи своемъ, въ 1666 г., Парижская Академія Наукъ, напримѣръ, по порученію Кольбера, начала составлять карту французскаго королества и его колоній; получивъ денежныя средства, нужныя для такого предпріятія, она приступила къ его исполненію, повлекшему за собою цѣлый рядъ весьма важныхъ научныхъ работъ, напримѣръ, касательно измѣненій въ силѣ тяжести на различныхъ широтахъ, относительно фигуры земли и т. п.; вмѣстѣ съ тѣмъ она должна была заняться описаніемъ и совершенствованіемъ искусствъ и ремеслъ. Парижская академія «надписей и медалей», на засѣданіяхъ которой Кольберъ часто присутствовалъ, также служила для государственной и даже для королевской пользы; она была учреждена въ 1663 г. для того, чтобы сохранять память о «великихъ дѣяніяхъ», а потому и занялась прежде всего исторіей Людовика XIV, представленной въ медаляхъ, разсматривала рисунки тѣхъ картинъ и произведеній скульптуры, которыми хотѣли украсить Версаль, и т. п. [1]).

Въ числѣ ближайшихъ поводовъ къ учрежденію нашей Академіи по французскому образцу могло послужить и то, что Петръ Великій въ 1717 году лично ознакомился съ назначеніемъ и устройствомъ Парижскихъ Академій Наукъ и Надписей, заинтересовался работами и «декувертами» ихъ членовъ, ихъ машинами, медалями и т. п. Вскорѣ затѣмъ избранный въ члены Парижской академіи наукъ, онъ въ

---

1) A. Maury, L'ancienne Académie des Sciences, Par., 1864, pp. 24, 173 и др. Histoire de l'Académie royale des Inscriptions et Belles Lettres, Amsterdam, 1743, t. I, pp. 4, 10, 14.

отвѣтѣ своемъ, правленнымъ собственною его рукою, между прочимъ, писалъ: «мы ничего больше не желаемъ, какъ чтобъ чрезъ прилежность, которую мы прилагать будемъ, науки въ лутчій цвѣтъ привесть, себя яко достойнаго вашей кампаніи члена показать» [1]).

Такимъ образомъ, многія обстоятельства способствовали тому, что парижскія учрежденія послужили образцами для Петербургской академіи. И дѣйствительно, извѣстный проектъ устава нашей Академіи (1724 г., января 22) гласитъ, что «сіе учрежденіе такой Академіи, которая въ Парижѣ обрѣтается, подобно есть» [2]). Проектъ ставитъ ее, подобно парижскимъ, подъ непосредственное покровительство государя, вводитъ въ кругъ ея занятій приблизительно тѣ науки, совершенствованіемъ которыхъ занимались обѣ парижскія академіи, не забываетъ и о той роли, какую она должна, подобно имъ, играть въ совершенствованіи искусствъ, надѣляетъ ее самоуправленіемъ даже въ болѣе широкомъ объемѣ, чѣмъ то, какимъ онѣ пользовались, такъ какъ разрѣшаетъ ей представлять на утвержденіе государя не трехъ кандидатовъ, а одного избраннаго ею члена, и т. п.

Впрочемъ, Петръ Великій не счелъ нужнымъ рабски подражать французскимъ образцамъ: онъ остался вѣренъ, напримѣръ, идеѣ Лейбница о связи между Академіей и школой, хотя и видозмѣнилъ ее, сообразуясь съ особыми условіями русской жизни. Послѣдователь Лейбница — извѣстный «профессоръ человѣчества» Вольфъ, также поль-

---

1) Мат., т. I, с. 5; ср. И. Голиковъ, Дѣянія, т. VIII, с. 464. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 45, 532—533.

2) Мат., т. I, с. 16. Ср. Commentarii Acad. Scient., t. I, pp. VII—IX. J. G. Vockerodt, Russland etc., S. 103.

зовавшійся большимъ уваженіемъ царя, можетъ быть, нѣсколько содѣйствовалъ утвержденію такого его плана. Вольфъ еще рѣзче подчеркивалъ нѣкоторыя мысли своего учителя: хотя онъ, конечно, не былъ противъ основанія Академіи въ Россіи, но онъ полагалъ, что здѣсь полезнѣе и легче было-бы предварительно учредить университетъ: свое мнѣніе онъ мотивировалъ тѣмъ, что академія должна быть устроена «ad plausum exterorum» и пополняться научными силами, подготовленными университетомъ [1]). Петръ Великій не рѣшился всецѣло послѣдовать совѣту Вольфа, но присоединилъ къ Академіи и тѣ учебныя заведенія, которыхъ еще недоставало въ Россіи. Въ самомъ началѣ 1721 года (11 января) Вольфъ уже писалъ, между прочимъ, что, судя по извѣстіямъ, полученнымъ имъ «за нѣсколько недѣль», Его Царское Величество вознамѣрился учредить «академію вѣждествъ» [2]), а другіе свидѣтельства удостовѣряютъ, что государь собирался надѣлить ее и педагогическими функціями: давно уже нѣсколько знакомый съ университетскимъ строемъ, онъ высказалъ въ извѣстной своей резолюціи на «меморіалъ» Фика, намѣреніе «сдѣлать академію», причемъ понималъ ее, вѣроятно, въ такомъ именно смыслѣ [3]); да и генеральное предложеніе, писанное Курбатовымъ незадолго до учрежденія Академіи, также намѣчаетъ однородную цѣль: составитель его полагаетъ, что Академія должна находиться «прямо подъ Его Императорскаго Величества властью», и пользоваться нѣкоторыми другими привилегіями, что она

---

1) Chr. Wolff, Briefe, SS. 19, 20; письмо X. Вольфа отъ 26 іюля 1723 г.

2) Chr. Wolff, Briefe, S. 3; ср. S. 164; современный русскій переводъ въ Мат., т. I, с. 5; см. еще П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, с. 535.

3) Chr. Weber, Op. cit., T. III, SS. 228—230: о посѣщеніи Петромъ Великимъ Кёнигсбергскаго университета, въ 1697 году.

должна быть надѣлена извѣстными штатами, съ президентомъ, вице-президентомъ и инспекторомъ во главѣ, а также имѣть при себѣ профессоровъ и студентовъ. Наконецъ, въ извѣстномъ указѣ отъ 20 января 1724 года Петръ Великій, въ видѣ отрывочнаго «опредѣленія», изъявилъ свою волю касательно основанія учрежденія съ такими-же смѣшанными и даже преимущественно педагогическими функціями, а черезъ два дня одобрилъ проектъ устава Академіи, въ которомъ тѣ-же начала развиты съ большею равномѣрностью и обстоятельностью [1]).

Въ самомъ дѣлѣ проектъ нашего устава 1724 г. подчеркиваетъ отличіе вновь учреждаемой академіи въ С.-Пе-

1) П. С. З., т. V, № 3208; если принять во вниманіе текстъ „меморіала" Фика, предшествующій резолюціи, можно думать, что слова „сдѣлать академію" относятся къ устройству учебнаго заведенія. Проектъ „руки Петра Алексѣева сына Курбатова" см. въ Гос. Арх., Каб. П. В., Вход., № 93, лл. 489—499; ссылка Пекарскаго на № 68 ошибочна, и подыскать надлежащій томъ мнѣ удалось лишь благодаря любезности С. А. Князькова; текстъ проекта напечатанъ Пекарскимъ съ нѣкоторыми описками, впрочемъ, неважными; ср. Н. Павловъ-Сильванскій, Проекты реформъ, С.-Пб. 1897, прил., сс. 51—54. Другой проектъ (въ которомъ встрѣчается выраженіе „въ установленной академіи"), писанный писарскою рукой, съ помѣтой другою рукой: „сообщено изъ сената", содержитъ планъ предметовъ, которымъ „студенты" должны обучаться, см. въ Каб. П. В., Вход., № 68, л. 51 (а не 50, какъ у Пекарскаго); ср. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 59—60. Указъ 20 Января 1724 г. см. въ П. С. З., т. VII, № 4427; здѣсь ученыя функціи Академіи ограничены „переводомъ книгъ", а педагогическія состоятъ въ томъ, чтобы „учить языкамъ, прочимъ наукамъ и знатнымъ художествамъ"; указъ предписываетъ также „назначить мѣсто для сего и доходъ". Указъ отъ 28 января 1724 г., повидимому, начинается ссылкой на только-что приведенный; см. ib., № 4443. Ср. еще ниже с. 39, прим. 1. Веберъ замѣчаетъ, кромѣ того, что при учрежденіи Академіи „sol man die Französische und Berlinische, wie auch die Italiänische [т. е. флорентинская] del Cimento zum Muster und das beste aus denselben zur Nachfolge genommen haben"; авторъ не приводитъ, однако, дальнѣйшихъ разъясненій сдѣланнаго имъ указанія; судя по слову „soll", можно, пожалуй, принять его за собственную его догадку; см. Chr. Weber, Op. cit., T. III, S. 52.

тербургѣ отъ другихъ европейскихъ академій, въ особенности отъ Парижской. «Академія, по его словамъ есть социететъ или собраніе ученыхъ и искусныхъ людей, которые не токмо сіи науки въ своемъ родѣ, въ томъ градусѣ въ которомъ оныя нынѣ обрѣтаются, знаютъ, но и чрезъ новые инвенты [изданія] оныя совершить и умножить тщатся, причемъ «другъ друга вспомогать имѣютъ», а объ обученіи протчихъ никакого попеченія не имѣютъ»; въ Россіи, однако, нѣтъ такого «множества ученыхъ людей», а потому «невозможно слѣдовать въ протчихъ государствахъ принятому образцу»; итакъ, при учрежденіи академіи въ Россіи «надлежитъ смотрѣть на состояніе здѣшняго государства, какъ въ разсужденіи обучающихъ, такъ и обучающихся и такое зданіе учинить, черезъ которое-бы не токмо слава сего государства для размноженія наукъ нынѣшнимъ временемъ распространилась, но и чрезъ обученіе и расположеніе оныхъ польза въ народѣ впредь была»; для достиженія подобнаго результата одной академіи, однако, недостаточно: «она не расплодитъ наукъ въ народѣ»; да и университета слишкомъ мало, такъ какъ въ странѣ нѣтъ еще «гимназіевъ»; значитъ, учреждая академію, нужно устроить при ней и университетъ, и «гимназіумъ». Такимъ образомъ, сравнивая предполагаемое устройство нашей Академіи съ Парижской, нашъ уставъ имѣлъ основаніе отмѣтить, что она во многомъ сходствуетъ съ нею, «кромѣ, однако, сего различія и авантажа», что «сія Академія и то чинитъ, которое универзитету или коллегіи чинить надлежитъ».

Съ обычною своею рѣшительностью «совокупляя» въ Академіи столь «разнообразныя дѣйствія», Петръ Великій руководился и особаго рода утилитарными соображеніями:

онъ думалъ достигнуть разомъ трехъ цѣлей съ возможно меньшею затратою средствъ, такъ, чтобы «одно зданіе, съ малыми убытками, тое же бы съ великою пользою чинило, что въ другихъ государствахъ три разныя собранія чинятъ».

Такимъ образомъ, многія условія благопріятствовали учрежденію Академіи: убѣжденный въ томъ, что она можетъ быть полезна Россіи, Петръ Великій могъ устроить её по образцу тѣхъ академій, которыя въ то время уже дѣйствовали въ главнѣйшихъ центрахъ Европы; лично знакомый съ нѣкоторыми изъ нихъ, онъ счелъ нужнымъ, однако, воспользоваться чужимъ опытомъ не безъ существенныхъ измѣненій, вызванныхъ «состояніемъ здѣшняго государства».

Впрочемъ, для осуществленія своихъ намѣреній Петръ Великій нуждался въ сотрудникахъ: со свойственнымъ ему чутьемъ царь назначилъ образованаго Блументроста для завѣдыванія кунсткамерой и библіотекой. Блументростъ, пользовался довѣріемъ государя и можетъ быть, подалъ ему мысль вызвать ученыхъ, которые могли-бы заняться разработкой матеріаловъ, собранныхъ въ его хранилищахъ; во всякомъ случаѣ по желанію царя, онъ письменно изложилъ свои предположенія касательно устройства цѣлой академіи. Блументростъ вмѣстѣ съ Шумахеромъ составилъ также и проектъ устава, разсмотрѣннаго и исправленнаго Петромъ Великимъ 22 января 1724-го года [1]).

---

1) П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. XXIX, XXX, 4 — 5, 19 — 20. Блументростъ былъ назначенъ, по смерти лейбъ-медика Арескина, на его мѣсто, 21 февраля 1722 года; см. И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, с. 397; т. IX, с. 350. Chr. Weber, Op. cit., T. I, S. 332; T. II, S. 122. Объ отношеніяхъ между царемъ и докторомъ см., между прочимъ, И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, с. 432. Въ 1721-омъ году, въ февралѣ библіотекарь Шу-

Судя по этому уставу С.-Петербургская Академія являлась прежде всего ученымъ учрежденіемъ: она раздѣлена была на три класса; въ первомъ «содержались всѣ науки математическія и которыя отъ оныхъ зависятъ»; во второмъ — «всѣ части физики», включавшей и естествознаніе; въ третьемъ — гуманіора, гисторія и права[1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ, Академія должна была слѣдить за «декувертами» и оцѣнивать ихъ, а также заботиться о развитіи прикладныхъ знаній, напримѣръ, архитектуры гражданской и военной, навигаціи и т. п. Кругъ занятій Академіи еще болѣе расширялся въ виду того, что она должна была быть полезной заведенію или размноженію «вольныхъ художествъ и манифактуръ»[2]).

махеръ былъ посланъ заграницу, между прочимъ, „для сочиненія социетета наукъ, подобно какъ въ Парижѣ, Лондонѣ, Берлинѣ и прочихъ мѣстахъ"; см. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, с. 534. Ср. еще Chr. Wolff, Briefe, S. 67 и ниже с. 38 прим. 2.

1) Мат., т. I, с. 17. Въ первомъ классѣ содержались: „матезисъ сублиміоръ, яко ариѳметика и геометрія съ прочими частьми теоретическими, а также астрономія, географія, навигація и механика"; во 2-омъ: „физика теоретическая и экспериментальная, анатомія, химія, ботанія", а судя по „краткому экстракту", и „исторія натуральная"; въ 3-емъ: „элоквенція и студіумъ антиквитатисъ", „исторія древняя и нынѣшняя, а также право натуры и публичное купно съ политикою и этикою (нравоученіемъ)"; сюда же проектъ устава относитъ и рекомендуемое имъ ученіе „экономіи".

2) Мат., т. I, с. 16. Ср. А. Нартовъ, Op. cit., с. 46. По словамъ автора, Петръ Великій хотѣлъ устроить при Академіи „департаментъ художествъ, а паче механическій"; впрочемъ, онъ вѣроятно, имѣлъ въ виду основать еще особую Академію Художествъ, надо думать, по примѣру тѣхъ учрежденій, которыя существовали въ Парижѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ. Самъ государь заботился о приглашеніи разныхъ художниковъ изъ „Академіи Королевской" въ Парижѣ и имѣлъ, въ своей библіотекѣ, курсъ архитектуры, преподанный въ парижской „Королевской Академіи Архитектуры" (200-лѣтіе Кабинета Е. И. В., с. 64; ср. выше с. 12, прим. 1). Самъ онъ, по словамъ Нартова, „благоволилъ возымѣть и сіе намѣреніе, еже возставити корпусъ академическій раз-

Помимо вышеуказанныхъ обязанностей Академія должна была исполнять роль университета и гимназіи,— университета съ факультетами: юридическимъ, медицин-

---

ныхъ художествъ...“ (Мат., т. I, с. 76). Въ своемъ „доношеніи царскому ве личеству“, помѣченномъ іюлемъ 1721 года, Михаилъ Аврамовъ, дѣйствительно, сообщаетъ, что „указомъ вашего величества при Санктъ Питербурхе при Оружейной канцеляріи ради общенародной во всякихъ рукомесленныхъ художествахъ пользы, противо обычаевъ государствъ европскихъ, зачата была небольшая академия ради правилного обучения рисования иконнаго, живописнаго і протчихъ художествъ“. Въ виду того, однако, что академія „въ самое совершенство не произведена і особливо удобнаго къ тому дому не построено і мастеровъ къ произвожденію оныя еще правильно не розпредѣлено“, Михаилъ Аврамовъ предлагаетъ „оную въ совершенство произвесть“, пригласить живописцевъ Ивана Дангоура, Ивана Никитина и другихъ, и одного къ тому архитектора, а также „отписать по[д]мастера Никитиныхъ во Ѳлоренцию“ и проч.; см. Гос. Арх., Каб. П. В., Вход., № 57, л. 48; внизу, на л. 48: „въ 1 [?] день ав[густа]“. Далѣе, на л. 49, „Пункты“, судя по помѣтѣ, „присланные въ Ригу Михаиломъ Аврамовымъ въ 8 день апрѣля“ и содержащія проектъ устройства академіи; они едва ли сохранились цѣликомъ; на л. 49—49 об. ихъ 5. Въ своемъ проектѣ о „сочиненіи.... Императорской Академіи Художествъ, которой здѣсь въ Россіи еще не обрѣтается“, Нартовъ ничего не говоритъ, о вышеуказанной попыткѣ (Мат., т. I, сс. 76—79). Во всякомъ случаѣ, можно думать, что Петръ Великій ознакомился съ проектомъ Нартова, „предложеннымъ“ имъ 1-го декабря 1724 года; къ проекту (вслѣдъ за росписью мастеровъ) царь приписалъ слѣдующую замѣтку, содержащую перечисленія художествъ и ремеслъ: „1, живописна; 2, скульпторна; 3, штыховальна; 4, тушевальна; 5, грыдовальна; 6, граверна; 7, столярна; 8, токарное; 9, плотничное; 10, архитектуръ цивилисъ; 11, мельницъ всякихъ; 12, слюзовъ; 13, фонтановъ и прочаго, что до гидроіки принадлежитъ (зачеркнуто: и протчие механические дѣла); 14, оптическихъ; 15, инструментовъ математическихъ; 16, инструментовъ лекарскихъ; 17, слесарское; 18, мѣдного дѣла; 19, чесовое“. См. Сенат. Арх., кн. 26, л. 584 и 584 об. Сб. Рус. Ист. Общ. т. XI, с. 562; та же записка, по копіи, но безъ точной даты напечатана въ Мат., т. I, с. 66; ср. еще ib., сс. 16, 23, 80. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, с. LV. Въ нѣсколько позднѣйшее время при Академіи Наукъ возникла та „Академія Художествъ и ремеслъ“, завѣдываніе которой было поручено Я. Штелину, вскорѣ по пріѣздѣ его въ Россію; см. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. LVIII, 542, 550.

скимъ и философскимъ; — гимназіи, въ которой «младые люди», обученные наукамъ «подъ дирекціей академиковъ и безъ своихъ убытковъ», могли бы преподавать «первые фундаменты наукъ» начинающимъ учиться.

Такимъ образомъ, всегда стоя на стражѣ государственнаго интереса, Петръ Великій хотѣлъ сдѣлать и изъ Академіи учрежденіе, приноровленное къ «всенародной пользѣ» и даже обратилъ особенное вниманіе на ея образовательныя функціи; царь собственноручно приписалъ къ вышеприведенной статьѣ о «младыхъ людяхъ»: «надлежитъ по два человѣка еще прибавить, которые изъ славенскаго народа, дабы могли удобнѣе русскихъ учить, а какихъ наукъ написать именно»; онъ сдѣлалъ такое распоряженіе, между прочимъ, для того, чтобъ «впредь упалыя мѣста академиковъ домашними наполниться могли» [1]). Впрочемъ, Академія, по мысли ея основателя, должна была и другими средствами содѣйствовать распространенію общаго образованія: уставъ предписывалъ академикамъ составлять учебники по разнообразнымъ отраслямъ представляемыхъ ими наукъ и дѣлать «экстракты» изъ чужеземныхъ ученыхъ сочиненій, а четыремъ переводчикамъ — переводить эти учебники и экстракты съ латинскаго на русскій языкъ, причемъ экстракты предполагалось отъ времени до времени печатать отдѣльными выпусками. Такимъ образомъ, Академія должна была служить государству въ самыхъ разнообразныхъ отношеніяхъ; сверхъ того она обязывалась давать совѣты

---

1) Мат., т. I, сс. 20—21; попеченіе о четвертомъ факультетѣ—богословскомъ, по словамъ проекта, „предается синоду". См. еще переписку съ русскимъ посломъ въ Вѣнѣ — Ланчинскимъ по поводу приглашенія въ Академію „студентовъ" изъ славянъ, въ 1724 г. — Chr. Wolff, Briefe, SS. 243 — 246.

присутственнымъ мѣстамъ «во всѣхъ случаяхъ до наукъ касающихся» и т. п.[1]).

Тщательно намѣчая широкую программу дѣятельности Академіи, Петръ Великій хотѣлъ дать ей устройство, которое въ проектѣ изложено, однако, лишь въ самыхъ общихъ чертахъ: предоставляя, напримѣръ, академіи «самой себя править», проектъ ограничивается указаніемъ, что такое правленіе «учиняется, когда изъ оныхъ или непремѣнный президентъ или попеременно одинъ по другому каждый годъ или полгода выбирается»; затѣмъ проектъ намѣчаетъ должности академиковъ и ихъ помощниковъ (адъюнктовъ), «особливаго секретаря», а также завѣдующаго библіотекой и кунсткамерой, переводчиковъ и мастеровъ и поручаетъ надзоръ за благосостояніемъ и вѣдѣніе доходовъ Академіи кураторамъ. Судя по старѣйшимъ штатамъ, Академія должна была состоять изъ 11 каѳедръ, на содержаніе которыхъ, вмѣстѣ съ другими учрежденіями, царь назначилъ довольно значительную сумму: несмотря на извѣстную свою бережливость, онъ въ концѣ проекта академическаго устава собственноручно приписалъ, что опредѣляетъ на этотъ предметъ не 20.000 рублей, объ ассигнованіи которыхъ просилъ Блументростъ, а 24.912 рублей[2]).

Вообще, желая обезпечить Академію духовными и мате-

1) Мат., т. I, сс. 14—22. Chr. Wolff, Briefe, SS. 237—238. Я. Штелинъ, Сказанія, сс. 350—351.

2) Мат., т. I, с. 22. Штаты Академіи за подписью: „Laur. Blumentrost“ отъ 12 февраля 1724-го года см. въ Сборникѣ Арх. быв. Канц. Конф., № 1, л. 44 и въ Мат., т. I, с. 26. Суммы, потребныя на содержаніе Академіи, были назначены, вѣроятно, не безъ нѣкоторыхъ колебаній (ср. ниже с. 41, прим. 1), изъ таможенныхъ и лицентныхъ, сбираемыхъ съ городовъ Нарвы, Дерпта, Пернова и Аренсбурга, а затѣмъ, въ силу указа отъ 6 ноября того же года „положено ту сумму отпускать съ денежныхъ дворовъ“, что и было опредѣлено въ штатахъ; см. Мат., т. I, сс. 304, 350.

ріальными средствами, Петръ Великій предоставилъ ей вмѣстѣ съ тѣмъ и особыя привилегіи: проектъ устава заявляетъ, что Академія «имѣетъ токмо подъ вѣдѣніемъ Императора, яко протектора своего быть» и «сама себя правитъ» и что она можетъ «градусы академиковъ давать»; «краткій экстрактъ учрежденія» объ академіи предоставляетъ ей, кромѣ того, въ случаѣ она признаетъ нужнымъ, измѣнить «нѣкоторые порядки», «оное чинить единомысленнымъ согласіемъ академиковъ» [1]).

Въ 1724 году «января въ 13 день» Петръ Великій «учинилъ» и подписалъ въ сенатѣ «опредѣленіе объ Академіи», отданное къ запискѣ 20-го числа того-же мѣсяца [2]);

---

1) Мат., т. I, с. 26. Въ журналѣ академическомъ за 1724 г. записано, что Л. Блументростъ, въ февралѣ 1724 г. подалъ въ сенатъ доношеніе, въ которомъ онъ просилъ, между прочимъ, „чтобы членами никто, кромѣ Императора или приставленныхъ директоровъ и надзирателей, не командовалъ"; см. Арх. быв. Канц. Конф. кн. 582, л. 3; тоже (на нѣмец. яз.) въ кн. 583, л. 2. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Блументростъ указываетъ и на то, что „въ академическомъ регламентѣ установлено, чтобы Академія никакому суду не подлежала, только высокоправительствующему сенату" и что академическаго служителя, хотя-бы онъ и „явился въ какой-либо винѣ подъ караулъ ни въ какія канцеляріи безъ вѣдомства Академіи Наукъ брать не повелѣно"...; см. ib., с. 161.

2) П. С. З., т. VII, № 4807; то-же въ Мат., т. I, сс. 158—159; изъ указа императрицы Екатерины I, подписаннаго ею 20 ноября 1725 года; Гос. Арх., XVII, № 3, ч. 1, кн. 2, л. 27; тоже напеч. по копіи въ Мат., т. I, с. 56. Въ письмѣ кн. Куракину Блументростъ (?) также пишетъ: „la fondation de l'Académie des Sciences... ayant éte signée par Sa Majésté Impériale...". Такія-же выраженія встрѣчаются и въ другихъ документахъ того-же 1724 г.; см. Арх. Конф., Исход. пис., т. 2, 1713—1727, лл. 17, 44 и 58. Впрочемъ, указъ подписанный 20 ноября и полученный въ сенатѣ 7 декабря 1725 года, ссылается на опредѣленіе 12-го, а не 13 января. Такую датировку едва-ли можно, однако, признать правильной. Въ „Походномъ журналѣ" 1724 г. (№ 27, лл. 97—109) записано, что 12 января „т. е. въ Недѣлю" Петръ Великій былъ въ Петергофѣ, откуда онъ прибылъ въ С.-Петербургъ „въ 4-мъ часу пополудни, а въ 5-мъ часу изволилъ пойти въ комедію, которая продолжалась до 7-го часа"; 13-го января

вслѣдъ за тѣмъ 22-го января царь слушалъ въ «Зимнемъ домѣ» проектъ о «сочиненіи той Академіи» и сдѣлалъ на немъ собственноручныя резолюціи, уже приведенныя выше, а 28-го появился, наконецъ, именной указъ, объявленный изъ сената объ учрежденіи Академіи и о назначеніи ей содержанія, съ приложеніемъ вышеизложеннаго проекта [1]).

государь, напротивъ, два раза былъ въ сенатѣ; см. Поход. Жур. 1724 г. (второй), С.-Пб. 1855 г., т. III, сс. 32—33. Извѣстіе, сообщенное въ „Походномъ журналѣ", не находится въ противорѣчіи съ пунктами, содержащими между прочимъ, опредѣленіе объ Академіи и извѣстными по сенатской книгѣ высочайшихъ повелѣній за № 26, с. 59, причемъ даже совпадаетъ съ сдѣланной на нихъ помѣтой: пункты писаны не рукою Петра, безъ даты и подписи, а судя по помѣтѣ на с. 60 об., они относятся къ 13, а не къ 12 января; въ самомъ дѣлѣ, сс. 59, 59 об., 60 и 60 об. составляютъ одинъ листъ въ 4 страницы, что видно по корешку, причемъ этотъ листъ, въ отличіе отъ предшествующихъ и послѣдующихъ, былъ сложенъ вчетверо; сс. 59 об. и 60 бѣлыя; на с. 60 об. только помѣта: „въ 13 день генваря 1724 году"; значитъ, она относится къ вышеназваннымъ пунктамъ, а, слѣдовательно и къ опредѣленію объ Академіи. Ниже приписано другою рукой: „къ запискѣ отдано 20-го", что и даетъ возможность отнести обѣ даты (13 и 20 января) къ одному и тому же опредѣленію. Подлинный указъ 7 декабря (20 ноября), опубликованный почти полтора года послѣ вышеназваннаго опредѣленія, тѣмъ не менѣе, дѣйствительно, содержитъ, ссылку на 12, а не на 13 января, надо думать, ошибочную; см. Сенат. Арх., кн. 29, л. 131. Итакъ, то опредѣленіе объ Академіи, на которое ссылается указъ 28 января 1724 года, можетъ подойти и къ ссылкѣ въ указѣ 7 декабря (20 ноября) 1725 года. Въ дѣлахъ Государственнаго Архива по исторіи Академіи Наукъ находится еще одна замѣтка, составитель которой относитъ, повидимому, дату — 12 января — къ утвержденію проекта; содержаніе замѣтки слѣдующее: „въ 1724 году генваря 12 дня по опробованному и собственноручно подписанному блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти государемъ императоромъ Петромъ Великимъ о Академіи Наукъ проекту" на ея содержаніе опредѣлено 24912 р.; см. Госуд. Арх., XVII, № 3, ч. I, л. 1. Большинство показаній согласно, однако, въ томъ, что проектъ разсмотрѣнъ 22, а не 12 января; см. сл. примѣчаніе.

1) Сенат. Арх., Кн. Высоч. повел., № 26, лл. 113—124. П. С. З., т. VII, № 4443. Аналогичное извѣстіе имѣется въ копіи съ промеморіи изъ Штатсъ-Конторы въ Медицинскую канцелярію отъ 19 февраля 1724 года. Въ журналѣ Академіи Наукъ за 1724 г. мы читаемъ: „Его Императорскаго

Впрочемъ, Петръ Великій позаботился не только объ основаніи Академіи, но и о томъ, чтобы снабдить ее вспомо-

---

Величества лейбъ-медикусъ Лаврентій Блюментростъ подалъ прожектъ о возстановленіи Академіи Наукъ, которой 22 (января) въ высокомъ Сенатѣ читанъ, апробованъ...“; Арх. быв. Конф., кн. № 1, л. 64 и кн. 582, л. 1; тоже (на нѣмецкомъ языкѣ) въ кн. 583, л. 1. Хотя проектъ, напечатанный въ Мат., т. I, сс. 14—22, судя по ссылкѣ, тотъ-же, что и въ книгѣ Высочайшихъ повелѣній, № 26 изъ Сенат. Арх., но дѣленіе на параграфы въ печатномъ текстѣ нѣсколько иное, напримѣръ: § на сс. 16 — 17 въ рукописи раздѣленъ на два (новый начинается со словъ: „Къ первому классу четырехъ персонъ надобно...“); § въ концѣ с. 17, въ рукописи—также на два (новый начинается со словъ: „Должность академиковъ...“); § на с. 20, соотвѣтствующій § 13 текста П. С. З., въ рукописи расчлененъ на четыре, а слѣдующій—на два параграфа. Кромѣ того въ той-же рукописи нѣкоторыя отдѣльныя слова, исправлены, если я не ошибаюсь, рукою Петра Великаго (иногда малозначительность исправленій не даетъ возможности съ полною достовѣрностью высказаться о принадлежности почерка Петру Великому), напримѣръ, (употребляя нумерацію §§ принятую въ П. С. З.), въ § 11, въ концѣ п. 1: „описывать“, вмѣсто „розыскивать“; въ п. 4: „разсматривать“ вмѣсто „розыскивать“; въ п. 5: „сыскалъ“, вмѣсто „сыскивалъ“; въ п. 7: „будетъ, понеже“, вмѣсто „ежелибъ“; въ п. 8 прибавлено: „или здѣсь дѣлать“; въ п. 18 (строка 4): „студентовъ“, вмѣсто „людей“ переправлено другою рукой. Правописаніе царскихъ приписокъ (или скорѣе его отсутствіе) въ Мат. также не соблюдено. Въ текстѣ П. С. З., т. VII, № 4443, раздѣленномъ нѣсколько иначе, параграфы уже снабжены нумераціей: § 7 состоитъ изъ двухъ §§ сенатской рукописи, образующихъ одинъ § въ Мат.; § 10—составляетъ подобно сенатской рукописи, лишь первый абзацъ соотвѣтствующаго § Мат.; § 11, въ отличіе отъ сенатской рукописи, почти сходной съ Мат., обнимаетъ остальную его часть и всѣ §§ на сс. 18—19 Мат.; § 12 содержитъ, подобно сенатской рукописи, постановленія о пользѣ и намѣреніи Академіи на с. 19 Мат. (въ концѣ); §§ 13—16 соотвѣтствуютъ шести §§ сенатской рукописи и первымъ двумъ §§ на с. 20 Мат.; § 18, въ отличіе отъ сенатской рукописи, сходной съ Мат.,—первымъ тремъ §§ на с. 21 Мат.; остальные §§ 17, 19—21 въ текстѣ П. С. З. не представляютъ отличій въ ихъ раздѣленіи сравнительно съ сенатской рукописью и съ текстомъ, напечатаннымъ въ Мат. Варіанты, приведенные выше, показываютъ, что Петръ Великій самъ работалъ надъ составленіемъ устава Академіи и что текстъ его, напечатанный въ П. С. З., имѣлъ свою исторію. „Копія“ съ того-же проекта, съ сдѣланными Петромъ Великимъ поправками, см. еще въ Сборникѣ Архива быв. Конф. Акад., № 1, 1719—1726 гг., лл. 131—140. Нѣмецкій переводъ („Copie“) см. въ Сборникѣ Арх. Конф. Исход. Пис.,

гательными научными учрежденіями: онъ, вѣроятно, хотѣлъ присоединить къ ней кунсткамеру и библіотеку, возникшія до появленія Академіи изъ тѣхъ раритетовъ и куріозитетовъ, а также книгъ и рукописей, которыя царь началъ собирать, главнымъ образомъ, во время своихъ путешествій и воинъ и храненіе которыхъ онъ хотѣлъ организовать по западно европейскимъ образцамъ [1]). Самъ государь прини-

---

т. 2, 1713—1727, с. 17 и сл.; ср. еще Гос. Арх. Каб. П. В., Вход., кн. 93, лл. 491—497 и Разр. XVII, № 2. Въ своемъ докладѣ императору Петру II отъ 2 августа 1727 года Шумахеръ писалъ: „отъ Е. П. В.... подписанный, а отъ Ея И. В., блаженныя памяти апробованный регламентъ академическій подписать благоволили бъ"; см. Мат., т. I, с. 268. Ср. еще ниже с. 53, прим. 1. Въ своихъ записяхъ Шумахеръ, подъ 1724 г., сентября 19, сообщаетъ, что сенатъ потребовалъ отъ него нѣкоторыхъ „изъясненій" на „пунктъ изъ регламента"; подъ 29 сентября, что „высокому сенату доношеніемъ на означенной пунктъ отвѣтствовано и весь регламентъ потребованъ; подъ 18 октября, что „сенатъ требованной отъ его Императорскаго Величества подтверженный прожектъ отъ Академіи Наукъ, сюда прислалъ"; см. Арх. быв. Канц. Конф., кн. 582, лл. 42, 44, 46; ср. тоже (на нѣмец. языкѣ) въ кн. 583, сс. 29 об., 31, 33. Ср. еще А. Нартовъ, Op. cit., с. 46.

1) Арх. Конф., № 1, Дѣла 1719—1726 гг., л. 23 об. Здѣсь, въ запискѣ безъ подписи и безъ даты, писанной, можетъ быть, Шумахеромъ, значится: Quia V. Caes. Maj. placuit ad sustentandum Academiae scientiarum et Bibliothecae (въ переводѣ: Академіи Наукъ, куншт-камеры и библіотеки) pecuniam, quae ex posta venit, destinare ideoque V. M. humilissime rogo velit generali Postdirectori D° Daschkoff mandatum dare..."; объ Алексѣѣ Дашковѣ см. Сб. Ист. Общ., т. XI, с. 470. Въ доношеніи сенату, копія котораго находится тамъ-же, л. 59, читаемъ: „Понеже Его Императорское Величество имянно приказалъ Данилу Шумахеру при Академіи какъ библіотекарское, такъ и секретарское дѣло отправлять..."; ср. ниже: „а которые нынѣ при Академіи въ кунштъ-камерѣ и библіотеке обрѣтаются..."; тоже въ Мат., т. I, с. 30. Тѣже выраженія повторены въ „Пунктахъ", данныхъ Блументростомъ Шумахеру, на случай его отсутствія; см. тамъ-же л. 60. Въ тѣхъ-же „Пунктахъ", вѣроятно, писанныхъ въ 1724 году, Блументростъ предписывалъ ему „ящики на медальной кабинетъ по надлежащему здѣлать"; тамъ-же, л. 60 об.; о библіотекѣ см. еще Мат., т. I, с. 29, № 28. Согласно контракту, который Блументростъ заключилъ съ Шумахеромъ, послѣдній долженъ былъ завѣдывать кунсткамерой и библіотекой, а также „дондеже Академія, размножится, при оной секретарское дѣло править".

малъ мѣры къ тому, чтобы пополнять свои собранія: онъ издалъ извѣстные указы 1718-го и слѣдующихъ годовъ о выдачѣ вознагражденія всякому, кто доставитъ въ кунсткамеру или губернаторамъ и комендантамъ для передачи въ неё «монстровъ» или другія рѣдкости, грозя ослушникамъ штрафомъ, покупалъ разныя древнія вещи и изданія и велѣлъ собирать и списывать цѣнныя рукописи; онъ самъ жертвовалъ въ свои хранилища предметы и книги и такимъ образомъ побуждалъ своихъ подданныхъ слѣдовать его примѣру, входилъ въ детали, касающіяся постройки новыхъ помѣщеній для кунсткамеры и библіотеки, интересовался расположеніемъ и приведеніемъ вещей въ порядокъ, дѣлалъ распоряженія о томъ, чтобы для нихъ изготовлены были шкафы, и т. п. [1]).

Кунсткамера была богаче предметами естественно-историческаго характера, чѣмъ, «антиквитетами» и художе-

---

Такимъ образомъ, кунсткамера, которая сперва была „съ медицинской канцеляріею въ единомъ правленіи", и библіотека перешли въ „полную дирекцію" Академіи. Ср. Мат., т. I, с. 393. И. Голиковъ, Дѣянія, т. VIII, с. 366. Сб. вып., т. II, сс. 22, 105. Сб. мем. и пис. Лейбница, с. 292. Chr. Weber, Op. cit., T. I, S. 219; T. III, S. 230. J. Bacmeister, Op. cit., p. 51. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 534, 546—558. С. Соловьевъ, Ист. Росс., Комп. изд., кн. IV, с. 308.

1) Гос. Арх., Каб. П. В., исход., № 53, кн. 1, л. 107 (указъ о монстрахъ, 1718 г., помѣченъ 12-ымъ февраля). Архивъ бывшей Канц. Конф., № 1, Дѣла 1719—1726 гг., л. 21. П. С. З., т. V, №№ 3159 и 3160; т. VI, №№ 3693, 3738, 3784, 3907, 3908 (= Пол. Собр. Пост. и проч., т. II, № 412); ср. т. VI, № 3965 (= Пол. Собр. Пост. и проч., т. II, № 535; ср Оп., док. и дѣлъ св. Синода, т. II; № 470). Оп. док. и дѣлъ св. Синода, т. I, №№ 602 (и прил. № 52), 646, 663; т. III, №№ 106, 362. Пол. Собр. пост. и проч.; т. I, № 339; т. II, №№ 620, 793, т. III, № 1074; т. IV, № 1183. Ср. еще царское повелѣніе сенату о вознагражденіи за вырытые изъ земли предметы древности, съ приказаніемъ „дѣлать чертежи, какъ что найдутъ", въ Сб. Ист. Общ., т. XI, с. 372. И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, с. 50 (здѣсь указъ о монстрахъ отнесенъ къ 6 февраля); т. VIII, с. 68; т. IX, сс. 410, 496.

ственными вещами; она образовалась изъ «натуралій» и анатомическихъ препаратовъ, пріобрѣтенныхъ Петромъ Великимъ во время его заграничныхъ путешествій, въ особенности тѣхъ, которыя поступили изъ собраній Готтвальда, Себы и Рюйша; изъ математическихъ и физическихъ инструментовъ, полученныхъ отъ Мушенброка (Mouschenbrooke); изъ древнихъ «медалей», входившихъ въ составъ знаменитаго «кабинета» Людерса, и доставленныхъ Буксбаумомъ; изъ нѣсколькихъ «живописей», купленныхъ Шумахеромъ въ Амстердамѣ, и т. п. [1]). Въ такомъ приблизительно составѣ кунсткамера, вѣроятно, перешла и въ вѣдѣніе Академіи. Впрочемъ, кунсткамера должна была служить не только для чисто научныхъ или техническихъ, но и для педагогическихъ цѣлей: царь хотѣлъ сдѣлать научныя знанія доступными всякому, и, устроивъ «кабинеты рѣдкостей», выразилъ желаніе, чтобы «люди смотрѣли и учились», причемъ рѣшительно отклонилъ предложеніе Ягужинскаго взимать нѣкоторую плату съ посѣтителей; онъ полагалъ, что «надлежитъ охотниковъ пріучать и угощать, а не деньги съ нихъ брать». И дѣйствительно даже въ позднѣйшее время, судя по современнымъ извѣстіямъ, бывали случаи, когда кунсткамера предлагала «знатнымъ посѣтителямъ» на ассигнованныя царемъ средства, «кофе и цукерброды», кормила ихъ закусками и поила ихъ венгерскимъ, а «людей низшаго состоянія» завѣдующій или служители

---

1) Chr. Weber, Op. cit., T. I, S. 225. J. Bacmeister, Op. cit., pp. 148—151; ср. еще pp. 167—168, 173, 220. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 553—554. 200-лѣтіе Кабинета Е. И. В., прил., сс. 59 — 69: Вѣдомость, сколько какихъ медалей, денегъ и прочихъ вещей старинныхъ „обрѣтается въ Кабинетѣ“, 1727 г.; ср. ib., с. 98.

водили «со всякою благосклонностью» и показывали имъ вещи «съ краткимъ изъясненіемъ» [1]).

Библіотека предназначена была для храненія, по приказанію царя, книгъ, которыя попадались нашимъ войскамъ при завоеваніи городовъ въ остзейскомъ краѣ, и другихъ пріобрѣтеній; здѣсь хранились, напримѣръ, изданія, купленныя государемъ въ Англіи, Гольштиніи и Германіи, а также собранія, принадлежавшія царевичу Алексѣю Петровичу, Виніусу, Арескину и Шафирову, книги, пріобрѣтенныя Шумахеромъ во время его заграничнаго путешествія, и т. д. Хотя библіотека и не представляла систематическаго подбора сочиненій по разнымъ отраслямъ знаній, она все же могла служить не только для научныхъ и техническихъ справокъ, но и для общеобразовательныхъ педагогическихъ цѣлей: вскорѣ по передачѣ ея въ вѣдѣніе Академіи, библіотека стала доступной и для общественнаго пользованія (25 октября 1728 г.)[2]).

---

1) А. Нартовъ, Op. cit., с. 31; Я. Штелинъ, Сказанія, сс. 92—95. Ф. фонъ-Берхгольцъ, Дневникъ, ч. I, сс. 155—159; ч. III, сс. 124—125. Въ августѣ 1725 года по имянному указу ея величества велѣно было выдать Шумахеру „на нынѣшній 1725 годъ" 400 руб. „на чрезвычайные расходы для прибытія знатныхъ персонъ въ кунсткамеру"; см. Арх. Конф., кн. № 643, дѣло № 28. О размѣрахъ кунсткамеры и разныхъ ея отдѣловъ можно отчасти судить по числу шкаповъ, нужныхъ для ея вещей и исчисленныхъ въ одной запискѣ 1724 года августа 2: „Мнѣ, пишетъ ея составитель, что для соблюденія анатомическихъ около 30 шкаповъ надобно, для животныхъ — 25, которые еще бы были за стеклами, для несѣкомыхъ сухихъ—4, для минеръ и каменія—10, для раковинъ и морскихъ—4, для живаго травника—4, для нумизмъ—4, для древностей и инструментовъ—6 и сіи безъ оконницъ". Кромѣ того, въ началѣ того-же года, сдѣлано было „на медали три ящика, а во всякомъ ящикѣ по 50 мѣстъ"; см. Сборникъ Арх. быв. Канц. Конф. Акад., № 1, 1719—1726 гг., лл. 141—145.

2) J. Bacmeister, Op. cit., pp. 47—52; ср. p. 137. B. de Fontenelle, Op. cit., p. 50. Мат., I, 29 — 30. Ср. „200 лѣтіе Кабинета Его Императорскаго Величества", сс. 169—171. Можно думать, что хранимый въ Архивѣ

Съ большимъ вниманіемъ подготовляя уставъ Академіи и вспомогательныя ея учрежденія, Петръ Великій принималъ живое участіе и въ приглашеніи извѣстныхъ представителей европейской науки. Во время пребыванія своего въ Данцигѣ въ 1716 году, напримѣръ, государь просилъ Брейнія рекомендовать ему ученаго, который могъ-бы предпринять путешествіе по Россіи для составленія описанія всего достопримѣчательнаго и, по его рекомендаціи, пригласилъ Мессершмидта, прославившагося своими научными изслѣдованіями Сибири, куда онъ былъ отправленъ по царскому указу [1]). Въ виду предполагаемаго учрежденія Академіи Петръ Великій поручилъ своему лейбъ-медику, образованному Блументросту также войти въ ближайшія сношенія съ заграничными учеными и выяснить тѣ условія, на которыхъ они согласились бы явиться въ Россію, а

Конференціи, въ папкѣ съ „дѣлами о Библіотекѣ" „Catalogus librorum annorum 1721 et 1722" содержитъ указанія на книги, купленныя Шумахеромъ во Франціи, Германіи, Голландіи и Англіи; ср. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, прил., сс. 554—555; впрочемъ, Пекарскій не ссылается на него. Въ числѣ книгъ, составъ которыхъ очень смѣшанный, значатся, между прочимъ, нѣкоторыя философскія сочиненія Лейбница и Малебранша, словарь Бэйля, извѣстные трактаты Гроція и Пуфендорффа о естественномъ правѣ, а также Локка о гражданскомъ правленіи, труды Флёри, Монфокона и Кирхера, сочиненія Монтескье („Персидскія письма"), Мольера и др. Кромѣ того Петръ Великій заботился и о заведеніи ботаническаго и зоологическаго сада (Das Haus der Wilden Thiere), о чемъ см. Chr. Weber, Op. cit., T. I, SS. 225—226.

1) И. Голиковъ, Дѣянія, т. VII, сс. 389—413; авторъ пишетъ, что государь отправилъ Мессершмидта въ Сибирь 1 марта 1719 г. P. S. Pallas, Neue Nordische Beiträge, St.-Petersburg, 1782, Bd. III: Messerschmidts siebenjährige Reise in Sibirien, SS. 97—158; въ силу контракта Мессершмидтъ дѣйствительно обязался путешествовать 7 лѣтъ; самъ авторъ сообщаетъ, однако, что Мессершмидтъ выѣхалъ изъ Петербурга лѣтомъ 1720 г., а вернулся туда 27 марта 1725 г., что составитъ пять лѣтъ съ небольшимъ. П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 350—362.

затѣмъ сообщилъ извѣстія о предстоящемъ учрежденіи Академіи разнымъ лицамъ, позаботился о томъ, что-бы напечатать «экстрактъ» изъ «проекта» ея устава въ заграничныхъ газетахъ и повелѣлъ русскимъ посламъ въ Парижѣ и Берлинѣ «потребныхъ людей сыскивать»[1]).

Приглашеніе иностранныхъ ученыхъ было сопряжено, однако, съ довольно значительными затрудненіями: хотя Петръ Великій и называлъ свою столицу «парадизомъ»; но они видимо не совсѣмъ раздѣляли убѣжденіе царя: несмотря на увѣренія академическаго начальства, что пища и питье въ Петербургѣ «такъ же изысканы и здоровы, какъ и во всякой сухой странѣ» и что «Петербургъ такъ просвѣщенъ и цивилизованъ, что не уступитъ ни одному германскому городу», иностранные ученые опасались ѣхать въ далекую сѣверную столицу [2]). Леопольдъ, напримѣръ, писалъ 15 апрѣля 1724 г., что онъ «экскузуется далѣе путь предпріять, понеже конституція тѣла его стужи снести и онъ свой ‚Театрумъ махинарумъ' въ Петербургѣ въ такое совершенство, какъ въ Лейпцигѣ, привести не можетъ». Впрочемъ, кромѣ соображеній подобнаго рода, ученые боялись и за свое достоинство: хотя Вольфъ поспѣшилъ распространить извѣстія Мартини о любезномъ пріемѣ, оказанномъ ему въ Петербургѣ, «для того, чтобы разсѣять неосновательные предразсудки относительно Россіи», однако, самъ онъ, по поводу приглашенія его въ Россію и преслѣдованій Франке, спрашивалъ Шумахера, «благопріятны ли будутъ его принци-

---

1) И. Голиковъ, Дѣянія, т. IX, сс. 31 и сл.; т. X, сс. 344, 429—430, 431. Съ цѣлью ознакомленія иностранныхъ „министровъ" и ученыхъ съ „учрежденіемъ" Академіи Наукъ, изъ него былъ сдѣланъ „краткій экстрактъ", разосланный имъ въ томъ-же году; современный русскій текстъ см. въ Сб. Арх. Конф. № 1, лл. 36—39; Мат., т. I, сс. 22—26, 30 (№ 29).

2) Chr. Wolff, Briefe, S. 165. Мат., т. I, с. 74.

ніи» и долженъ ли онъ будетъ приниматься за осуществленіе своихъ мыслей касательно наукъ «только въ той степени, въ какой это будетъ угодно современнымъ русскимъ», т. е. не придется ли ему оставить безъ осуществленія то, что онъ осуществилъ бы въ настоящемъ его положеніи; видимо опасаясь, что онъ не удовлетворитъ требованіямъ царя и не встрѣтитъ сочувствія въ «современныхъ русскихъ», ему казалось желательнымъ вопреки увѣреніямъ академическаго начальства, остаться на прежнемъ своемъ мѣстѣ [1]). Само собою разумѣется, что приглашаемые въ Россію ученые сомнѣвались иногда и въ возможности твердо обезпечить себя въ матеріальномъ отношеніи: предусмотрительный гельмштадтскій докторъ Гейстеръ заблаговременно справлялся «можно ли на исправную заплату надѣяться и какое состояніе съ капиталемъ академическимъ имѣется?» [2]). Ученые опасались не только за себя, но и за свои «фамиліи»; академическое начальство старалось устранить такія сомнѣнія; настойчиво приглашая въ Петербургъ того-же гельмштедскаго доктора Гейстера, оно увѣряло его, что «суть толико дамъ знатныхъ и деликатной конституціи здѣсь, которыя на петерургскій воздухъ не жалуются».

Лица, пользовавшіяся ученою извѣстностью, не всегда соглашались пріѣхать въ «парадизъ» и даже высказывали «зѣло рѣдковидныя претензіи», которыя трудно было удовлетворить; но и тѣ, которые готовы были сами себя рекомендовать русскому правительству, иногда не заслужи-

1) Мат., т. I, сс. 39, 69, 70, 133; ср. с. 153. Chr. Wolff, Briefe, SS. XX, 5, 8, 18, 19, 21—22, 23, 25, 165, 174, 176, 180, 242. Кромѣ того, Вольфъ боялся еще, чтобы его отъѣздъ въ Россію не былъ истолкованъ, какъ отступленіе его передъ врагами. Отчетъ И. Шумахера, въ соч. П. Пекарскаго, Н. и Л., т. I, сс. 538—539.

2) Мат., т. I, с. 38.

вали полнаго довѣрія. Журналъ академіи за 1724 г. подъ 22 іюля сообщаетъ, напримѣръ, о письмѣ, присланномъ «профессоромъ математики, господиномъ фонъ Слейбе» (Sleube); въ своемъ письмѣ профессоръ не поскупился на «обѣщанія» и вызвалъ опасеніе, «что онъ не прямого сорту есть» [1]).

Въ виду такихъ затрудненій, Петръ Великій, при всей своей бережливости, считалъ нужнымъ, однако, щедро награждать нововыѣзжихъ академиковъ. Гр. Головкинъ предложилъ, напримѣръ, отъ его имени, извѣстному ученому математику, а впослѣдствіе и старшему изъ академиковъ Германну, поступить въ академію на слѣдующихъ условіяхъ: онъ долженъ былъ получать въ теченіе двухъ лѣтъ по 1500 рублей, а затѣмъ слѣдующіе три года по 2000 рублей ежегодно, что, при цѣнности денегъ того времени, въ нѣсколько разъ превосходившей современную, составляло довольно значительное содержаніе; онъ также имѣлъ право на «свободную» квартиру, дрова и свѣчи «изъ академической суммы»; кромѣ того, онъ могъ еще расчитывать на 300 рублей, ассигнованные ему на проѣздъ въ Россію, и на обѣщаніе государя «ни за болѣзнію, ни за старостью не оставить его, но во время его договора полное его жалованье выдавать». Такія условія представляли довольно существенныя выгоды, склонившія профессора Германна принять царское предложеніе; а примѣру Германна послѣдовали и нѣкоторые другіе ученые, рѣшившіеся переѣхать въ русскую столицу [2]).

1) Chr. Wolff, Briefe, SS. 25—26, 28, 170, 182. Мат., т. I, с. 49.

2) Мат., т. I, сс. 51, 81—83, 87, 92, 109, 110, 131; хотя Германнъ и былъ старшимъ изъ академиковъ, но сталъ получать высшій сравнительно съ Делилемъ окладъ лишь нѣсколько позднѣе; см. ib., сс. 273, 538. Контрактъ Делиля см. ib., сс. 125—127; ср. с. 273. Въ бумагахъ графа А. И.

Вообще, по словамъ Миллера русское правительство старалось, согласно традиціямъ Петра Великаго, «сдѣлать жизнь въ Петербургѣ пріятной для новопріѣзжихъ» ученыхъ, что̀ и могло содѣйствовать появленію ихъ здѣсь уже послѣ его смерти [1]).

Такимъ образомъ, несмотря на всѣ препятствія, Петру Великому удалось заручиться содѣйствіемъ цѣлаго ряда выдающихся ученыхъ. Наиболѣе извѣстный изъ нихъ — Вольфъ, правда, не пріѣхалъ въ Россію, несмотря на многократныя попытки русскаго правительства уговорить его явиться въ Петербургъ для того, чтобы, въ качествѣ президента или вицепрезидента Академіи, заняться ея устройствомъ [2]); но и онъ оказалъ царю существенную помощь въ прісканіи ученыхъ силъ, нужныхъ для Академіи. При жизни Петра Великаго Академіи удалось заключить контракты съ Германомъ, Мартини и Колемъ; за ними послѣдовали такія же условія съ Бернулли, Делилемъ,

---

Остермана сохранился докладъ, начинающійся словами: „понеже сочиненной проектъ объ установленіи Академіи отъ Е. И. В. всемилостивѣйше апробованъ, то нынѣ надлежитъ, дабы оной въ дѣйство производить стараніе имѣть о немедленномъ полученіи и приезде сюда потребныхъ ко оной профессоровъ и членовъ...“, въ 5 пунктахъ. Проектъ содержитъ изложеніе условій пріѣзда, вознагражденія и проч. Въ пунктѣ 3 составитель проекта предлагаетъ, чтобы ученые получали жалованіе по разсмотрѣнію (т. е. по контракту) и квартиру, а также дрова и свѣчи; чтобы они зависѣли только отъ Его Императорскаго Величества самого и отъ Его Величествомъ опредѣленныхъ кураторовъ или надзирателей; чтобы они не утруждались ничѣмъ кромѣ того, что сказано „въ проектѣ“; чтобы имъ было позволено имѣть „характеръ или титулъ надворнаго совѣтника, какъ въ другихъ краяхъ“.

1) П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. XXXIV—XXXV; Chr. Wolff, Briefe, S. 54.

2) Chr. Wolff, Briefe, SS. XIII—XXI, XXXI, 13, 18—20, 70, 165, 169, 171, 176, 194, 243, 248.

Бюльфингеромъ, Бекенштейномъ, Байеромъ и другими учеными [1]).

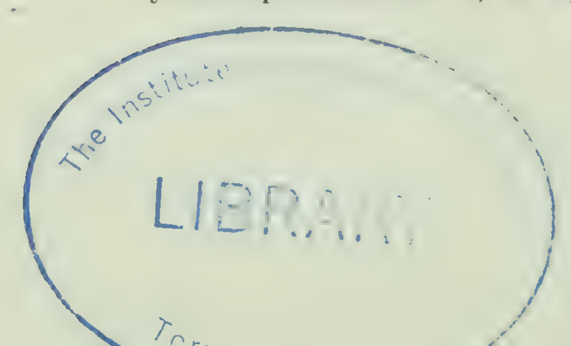
Гораздо легче было, разумѣется, привлечь въ Академію лицъ, знакомыхъ съ «художествами»: контракты съ архитекторомъ Марселіусомъ, «живописцемъ» Гзеллемъ и другими лицами были заключены, однако, лишь по смерти преобразователя [2]).

Впрочемъ, Петръ Великій не ограничился указанными мѣрами: онъ торопилъ постройкой новаго зданія для академическихъ учрежденій на Васильевскомъ островѣ, а по смерти царицы Прасковіи Ѳедоровны назначилъ для той же цѣли домъ ея, сопредѣльный съ зданіемъ, предназначеннымъ для кунсткамеры и библіотеки [3]). Дѣятельно

1) Мат., т. I, с. 44 и др.; Chr. Wolff, Briefe, SS. 14, 24, 28—32, 35, 37, 46, 50, 177, 180. Впрочемъ, рекомендаціи Вольфа, какъ видно изъ записки Шумахера отъ 25 мая 1724 года, могли быть и не совсѣмъ безкорыстны. Ср. еще нѣсколько позднѣйшую переписку Вольфа съ Блументростомъ и Шумахеромъ о Дювернуа (ib., SS. 44, 61, 63, 65) и о Лейтманнѣ (ib., SS. 51, 56, 57, 72, 73—74, 75, 188, 195). Въ письмѣ къ Блументросту отъ 1 сентября 1726 года Вольфъ снова предлагаетъ свои услуги; см. ib., S. 77.

2) Мат., т. I, сс. 95—96, 232; въ началѣ 1726 г. оба они уже преподавали архитектуру гражданскую и рисованіе, вмѣстѣ съ Оснеромъ, который долженъ былъ „показывать ваятельное художество" обучающимся архитектурѣ гражданской, и Шеслеромъ, „толковавшимъ" кромѣ ариѳметики и проч., „еще и архитектуру воинскую"; см. ib., с. 171; ср. еще Гос. Арх. Каб. П. В., Вход., № 93, л. 488.

3) Сборникъ Арх. быв. Канц. Конф., № 1, 1719—1726 гг., л. 142. И. Голиковъ, Дѣянія, т. IX, сс. 529—530; т. XIII, с. 397; о состояніи этого дома и нужныхъ къ нему „пристройкахъ" см. Гос. Арх., Каб. П. В., Вход., № 71, лл. 235—236; о достройкѣ его на казенныя средства—Сб. Ист. Общ., т. XI, с. 545. Домъ Шафирова, на Петербургской сторонѣ, также былъ отданъ Академіи, но въ 1728 г. былъ снова возвращенъ Шафирову. Дѣло объ отдачѣ этого дома Академіи и о возвращеніи его Шафирову, съ подробнымъ его описаніемъ, см. въ томъ-же Сборникѣ Архива Конф., лл. 158—181. Въ своихъ записяхъ Шумахеръ не разъ отмѣчалъ медлительность, съ которою Канцелярія отъ строеній сооружала зданіе, предназначенное для кунсткамеры и библіотеки; см. Арх. быв. Канц. Конф., кн. 582, л. 34 и др.

принявшись за устройство Академіи, онъ входилъ и во многія подробности ея жизни: незадолго до смерти своей, напримѣръ, онъ писалъ адмиралтейской коллегіи о томъ, чтобы подрядить мастера Апушкина сдѣлать новые и починить старые математическіе инструменты для Академіи [1]). Такую же заботливость Петръ Великій обнаруживалъ и относительно кунсткамеры и библіотеки: для завѣдыванія ими онъ давно уже пригласилъ Шумахера, который впослѣдствіи такъ деспотически распоряжался академическими дѣлами, поручилъ ему составить каталоги обрѣтающимся въ нихъ вещамъ и книгамъ и т. п. [2]).

Впрочемъ, приглашая знающихъ людей въ Академію и и обезпечивая ихъ содержаніемъ, Петръ Великій не забывалъ, что они должны быть полезны государству и съ возможно большею рачительностью исполнять возложенныя на нихъ обязанности: выписавъ иностранныхъ ученыхъ въ свой «парадизъ», царь приказалъ, напримѣръ, «чтобы домъ академическій домашними потребами удостаточить и академиковъ недѣли съ три или съ мѣсяцъ не въ зачетъ кушаньемъ довольствовать; а потомъ подрядить за настоящую цѣну, нанявъ отъ академіи эконома, кормить въ томъ же домѣ....». Заботы царя о довольствіи академиковъ «кушаньемъ», вызваны были, однако, особаго рода соображеніями: онъ сдѣлалъ такое распоряженіе, дабы академики, «ходя въ трактиры и другіе мелкіе домы, съ непотребными обращаючись, не обучились ихъ непотребныхъ обычаевъ и въ другихъ забавахъ времени не теряли бездѣльно»; «понеже,

---

1) И. Голиковъ, Дѣянія, т. X, с. 448. Ср. выше, с. 42.

2) П. Пекарскій, Н. и Л., т. I, сс. 53—59. Сюда-же относится письмо Петра Великаго директору отъ строенія Ульяну Синявину отъ 22 октября 1722 г. о томъ, чтобы сдѣлать шкафы для кунсткамеры; см. П. Голиковъ, Дѣянія, т. X, с. 410.

поучалъ царь, суть образцы такіе изъ многихъ иностранныхъ, которые въ отечествѣ добронравно бывши, съ роскошниками и піяницами въ бездѣльничествѣ пропали и государственнаго убытку больше, неже прибыли учинили»[1]).

Петръ Великій, какъ видно, не довольствовался общими началами реформы; съ свойственной ему проницательностью и энергіей онъ входилъ въ самыя мелкія ея детали, немаловажныя, однако, для успѣха дѣла; онъ умѣлъ долго интересоваться имъ и настойчиво проводить его въ подробностяхъ. Въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ своей жизни, при громадномъ разнообразіи лежавшихъ на немъ обязанностей, онъ все же не разъ возвращался къ мысли объ устройствѣ Академіи и незадолго до смерти подписалъ «опредѣленіе» о ней.

Смерть, застигшая Петра Великаго 28 января, не разрушила его дѣла: онъ настолько обезпечилъ существованіе Академіи при своей жизни, что открытіе ея не замедлило совершиться. Черезъ пять дней послѣ его кончины императрица Екатерина I уже поспѣшила подтвердить иностраннымъ ученымъ, что прежній планъ учрежденія Академіи остается въ силѣ и что контракты, заключенные съ ними, сохраняютъ свое значеніе, а вслѣдъ затѣмъ утвердила докладъ Блументроста, назначеннаго президентомъ Академіи: 7 декабря 1725-го года сенатъ уже получилъ указъ императрицы, въ которомъ она «опредѣлила Академію Наукъ, на основаніи, учиненномъ Его Императорскимъ

---

1) Мат., т. I, сс. 107—108, 111, 121; тоже въ видѣ особаго указа отъ 14 августа 1725 года (въ копіи) см. въ Сборникѣ Арх. быв. Канц. Конф., № 1, 1719—1726 гг., лл. 232. Ср. Протоколы засѣданій Конф., т. I, с. 4 (1726 г. мая 24 по грег. кал.).

Величествомъ»[1]). Въ то же время Екатерина I позаботилась

1) П. С. З., т. VII, №№ 4663 и 4807. Мат., т. I, сс. 89, 91—92, 116, 158—159. Chr. Wolff, Briefe, SS. 42, 43, 184—185. Проектъ устава Академіи, по словамъ Пекарскаго, былъ также составленъ Блументростомъ; см. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. XXXVI—XXXVII. Судя по записи въ журналѣ Академіи отъ 20 сентября 1725 г., текстъ проекта былъ „in teutscher Sprache verfertigt", а затѣмъ уже, черезъ недѣлю, переданъ, въ переводѣ на русскій языкъ, въ „высокій сенатъ"; въ книгѣ текущихъ дѣлъ № 6 сказано, между прочимъ, что этотъ регламентъ „былъ данъ" въ 1726 г.; см. Мат., т. I, сс. 144, 146, 272, 640. Проектъ указа императрицы Екатерины I съ уставомъ, дѣйствительно содержащимъ нѣмецкій и русскій текстъ, напечатанъ по рукописямъ Арх. Конф., кн. 422 и Гос. Арх., Разрядъ XVII, № 3, въ тѣхъ-же „Матеріалахъ" подъ 1727 г.; см. Мат., т. I, сс. 297—324. Ср. еще Гос. Арх., Каб. П. В., Вход., кн. 93, лл. 499—552. Русскій текстъ по рукописи Государственнаго архива близокъ къ тексту копіи, давно уже присланной въ Академію „директоромъ Государственнаго архива при Правительствующемъ Сенатѣ въ Москвѣ" П. И. Ивановымъ, хотя, впрочемъ, не совсѣмъ совпадаетъ съ ней, а также отличается отъ остальныхъ двухъ тѣмъ, что параграфы 2 и 3 (судя по вышеназванному изданію) переставлены въ немъ, а въ § 48 читается: „въ 8-й часъ передъ полуднемъ", въ остальныхъ: „въ 1-й часъ...", и „въ 12 часъ..." „предъ полуднемъ". Текстъ копіи П. И. Иванова, писанный по-русски, былъ напечатанъ въ Уч. Зап. Академіи Наукъ, по I и III Отд. т. II, в. 1, сс. 173—184 и въ Лѣт. рус. лит. и древ., т. V, Смѣсь, сс. 1—15. Тотъ-же проектъ на нѣмецкомъ и русскомъ языкахъ, но въ нѣсколько иной редакціи, хранится въ Архивѣ Конференціи Академіи. На нѣмецкомъ текстѣ сдѣлана приписка: „Reglement, ist aber nur ein Project und nie unterschrieben worden, übersetzt aus dem Russischen"; но слово „nie" какъ будто указываетъ, что этотъ переводъ, нѣсколько отличный отъ того нѣмецкаго текста, который, по списку Государственнаго Архива, напечатанъ въ „Матеріалахъ", сдѣланъ позднѣе. Академическій списокъ русскаго текста, скрѣпленный секретаремъ Сергѣемъ Волчковымъ, упоминаемымъ въ означенной должности съ 1731 года, даетъ кое-гдѣ болѣе исправныя чтенія, напримѣръ: „пол'ученій" вмѣсто „поле ученій", въ Мат., с. 303; „матезисъ сублиміорисъ" вмѣсто „матезисъ сублиміоремъ", ib., с. 305; „и аще число учащихся прибавится" вмѣсто „и число учащихся прибавится", ib., с. 308; „ни времени, ни трудовъ пощадѣти не имѣетъ" вмѣсто „ни времени, ни трудовъ пощадѣти имѣетъ", ib., с. 312. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, однако, академическій списокъ оказывается болѣе краткимъ, чѣмъ остальные: въ немъ нѣтъ словъ: „и въ мірѣ состояніе наукъ испытаніемъ изобрѣлъ", Мат., с. 298; словъ „къ сему же классу практикъ нѣкій.... практикѣ медической научати будетъ", Мат., сс. 315—316; словъ: „на нижнія школы", Мат., с. 323. Текстъ во всѣхъ

о томъ, чтобы достроить домъ покойной царицы Прасковьи Θедоровны, предназначенный для Академіи, а также повелѣла передать въ ея вѣдѣніе кунсткамеру, обогатившуюся коллекціями Мессершмидта и другихъ, и библіотеку, въ составъ которой вошло книжное собраніе Петра Великаго и другія пріобрѣтенія [1]).

Такимъ образомъ, Россія признала, благодаря содѣйствію Петра Великаго, цѣнность науки и пріютила её въ

извѣстныхъ спискахъ не датированъ и не утвержденъ государыней. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Блументросту Шумахеръ заявляетъ, однако, что регламентъ 1726 года былъ аппробованъ „государыней". Регламентъ 1726 года, по его словамъ „былъ сдѣланъ противъ проекта 1724 года"; см. Мат., т. I, сс. 272, 665. Дѣйствительно, хотя регламентъ 1726 года и представляетъ нѣкоторыя отличія по содержанію отъ проекта 1724 года, но они не противорѣчатъ его началамъ, а только развиваютъ ихъ; см., напримѣръ, § 1—о судебныхъ привилегіяхъ Академіи; §§ 9—11—объ усиленіи личнаго состава Академіи новыми каѳедрами „по практикѣ математики", физіологіи и философіи; § 28—о переводчикахъ; §§ 30—33—о подробномъ распредѣленіи университетскихъ публичныхъ лекцій; §§ 39—45—о распредѣленіи гимназическихъ занятій по классамъ; § 48—объ обученіи въ академіи художествъ и т. п. Въ своемъ докладѣ Екатеринѣ I (1725 г., сентябрь) Блументростъ просилъ ее „изслѣдовать сей регламентъ, чтò въ немъ есть исправить и чтò согласно—въ народъ объявить"; но регламентъ остался не утвержденнымъ; см. Гос. Арх., Каб. П. В., Вход., № 71, л. 237.

1) Сборникъ Архива быв. Канц. Конф., № 1, 1719—1726 гг., лл. 187, 203 об.—204, 204 об.—205, 205—206, 228 об., 233. Ср. выше сс. 40—44 и Арх. Конф., Дѣла о библіотекѣ (въ особой обложкѣ безъ №). Въ запискѣ отъ 2 іюня 1725 г. гофинтендантъ Петръ Мошковъ уже писалъ Лаврентію Блументросту, что „Ея Величество.... указала которыя книги принадлежатъ къ библіотекѣ отдать вашей милости...". Бакмейстеръ утверждаетъ, однако, что библіотека была присоединена къ Академіи въ 1726 году; см. J. Bacmeister, Op. cit., p. 51. Мат., т. I, сс. 105, 116, 136—137, 178. О взятіи, по приказанію Императрицы, нѣкоторыхъ куріозитетовъ и книгъ архіепископа Θеодосія, а также Іана Іонаса въ Академію см. ib., сс. 184, 191, 203; о покупкѣ по указу на академическій счетъ книгъ доктора „Поликоля" за 150 рубл.; см. вышеназванный Сборникъ 1719—1726 г., л. 230 об. (1725 г., іюня 11); ср. еще л. 240. Въ письмѣ къ кн. А. Д. Меншикову отъ 24 сентября 1726 г. И. Д. Шумахеръ съ благодарностью упоминаетъ, что подъ его „благополучіемъ" фундаментъ библіотеки и академіи положенъ (ср. И. Голиковъ,

Академіи и ея учрежденіяхъ: она получила окончательное устройство во второй половинѣ 1725-го года. Блументростъ, много содѣйствовалъ ея устройству; лѣтомъ и позднѣе стали пріѣзжать иностранные ученые: Германнъ, Бюльфингеръ, Бернулли, Дювернуа и другіе; къ концу того же года начались академическія засѣданія, а 27 декабря состоялось первое торжественное публичное собраніе членовъ Академіи [1]).

Легко судить о томъ значеніи, какое имѣлъ такой фактъ, хотя бы изъ слѣдующаго сопоставленія. . Въ концѣ царствованія царя Алексѣя Михайловича извѣстный ученый схоластъ, Симеонъ Полоцкій сравнивалъ свое пребываніе въ Москвѣ съ житіемъ «какъ бы въ густыхъ лѣсахъ»; но что сказалъ-бы Симеонъ Полоцкій, еслибы онъ, черезъ полвѣка, очутился въ Петербургской Академіи Наукъ и слушалъ доклады Мартини о Лейбницевомъ принципѣ «identitatis indiscernibilium»; Германна — объ аналитическомъ методѣ выведенія сфероидальной фигуры земли; Даніила Бернулли — о сложеніи и разложеніи силъ; Бюльфингера—объ изобрѣтенномъ имъ барометрѣ; Лейтманна— о причинахъ броженія; Байера — о серебряной эгійской

Дѣянія, т. VII, с. 350), и что князь „строеніе библіотеки снять на себя благоволили и приказали канцеляріи отъ строеній оное какъ можно немедленнѣй отправить, что, по истиннѣ, и могло-бы уже быть исправлено, ежели бъ вашей высококняжой свѣтлости приказамъ тщилися быть послушны". Письмо И. Д. Шумахера напечатано, безъ указанія на его автора и на адресата и не безъ ошибокъ въ Мат., т. I, сс. 201—202; ср. ib., сс. 191—192.

1) J. G. Vockerodt, Op. cit., S. 104. Протоколы Конференціи Академіи Наукъ, изд. подъ ред. К. Веселовскаго, С.-Пб. 1897, т. I, с. 2; протоколы начинаются съ 13 ноября (по грег. кал.) 1725 года слѣдующей записью: „Hermannus de figura telluris sphaeroide, cujus axis minor sit intra polos, a Newtono in Principiis Philosophiae mathematicis synthetice demonstratum, analytica methodo deduxit".

монетѣ и т. п.? Такимъ образомъ, сравнивая одинокаго монаха-схоласта съ блестящей коллегіей ученыхъ, можно почувствовать, какой шагъ сдѣлала наука въ Россіи за эти полвѣка [1]). Само собою разумѣется, что эта наука была еще очень далека отъ русской дѣйствительности и часто чуждалась ея; что она все же подчинялась государственно-утилитарнымъ взглядамъ и почти не находила поддержки ни въ сочувствіи, ни въ самодѣятельности общества; но и такая наука, цѣнная сама по себѣ, подготовляла, сверхъ того, возможность появленія русскихъ ученыхъ и дальнѣйшаго развитія нашего просвѣщенія, а вмѣстѣ съ нимъ и всей нашей культуры.

Благія послѣдствія учрежденія Академіи, дѣйствительно, стали обнаруживаться, особенно въ области чистаго научнаго знанія: ученые, пріѣхавшіе въ Академію вскорѣ послѣ смерти ея основателя, начали трудиться надъ разработкой, науки, хотя и не всегда могли въ одинаковой мѣрѣ заниматься всѣми ея отраслями. Бюльфингеръ, напримѣръ, одинъ изъ замѣчательныхъ послѣдователей Лейбница и любимый ученикъ Вольфа, содѣйствовалъ нѣкоторому распространенію ихъ взглядовъ; Даніилъ Бернулли прославилъ свое имя открытіями въ области теоріи вѣроятностей и «гидродинамики»; Лейтманнъ сталъ извѣстенъ искусными

---

1) Прот. засѣд. Конф., т. I, сс. 2 и сл.; на с. 4 сказано о Байерѣ (подъ 19 мартомъ 1726 г.): „disseruit de numo Aegiensium argenteo". Въ изслѣдованіи, озаглавленномъ „Numus aegiensis illustratus" и напечатанномъ въ Комментаріяхъ Академіи, Байеръ пришелъ къ заключенію, что „hic numus Aegiensium in Achaia est"; см. Comment. Acad. Scient. Petrop., t. V (1738), p. 361. Ср. K. Sittl, Archälogie der Kunst, nebst einem Anhang über die antike Numismatik, München, 1895, SS. 880—881. B. V. Head, Historia Numorum, Oxford, 1887, p. 351.

опытами и наблюденіями надъ поліэдрическими анаморфозами; Делиль усовершенствовалъ способы черченія картъ и прилагалъ ихъ къ составленію атласа Россійской имперіи; Байеръ посвятилъ себя изученію скиѳскихъ и варягорусскихъ древностей, а также восточныхъ языковъ и т. п. Вмѣстѣ съ академиками пріѣзжали въ Петербургъ и приглашенные ими адъюнкты: Эйлеръ, Крафтъ, Вейтбрехтъ, Гмелинъ, Миллеръ и другіе; они, въ свою очередь, оставили болѣе или менѣе глубокій слѣдъ въ исторіи наукъ и упрочили у насъ тѣ научныя традиціи, которыя легли въ основу современной нашей цивилизаціи: великій Эйлеръ, напримѣръ, содѣйствовалъ образованію русской математической школы; Гмелинъ, Миллеръ и ихъ преемники много способствовали своими путешествіями и трудами научному познанію Россіи, ея производительныхъ силъ и населенія, ея древностей и исторіи; а вслѣдъ за приглашенными изъ за границы адъюнктами готовились выступить и русскія научныя силы—Ломоносовъ и другіе, еще тѣснѣе связаные съ русскою жизнью, ея прошлымъ и ея будущимъ[1]).

Въ то время, однако, многія условія и обстоятельства задерживали расширеніе научной дѣятельности Академіи и затрудняли осуществленіе тѣхъ задачъ, которыя Петръ Великій имѣлъ въ виду при ея основаніи.

Внутренній строй Академіи, напримѣръ, далеко не со-

1) Мат., т. I, сс. 234—257; 276—286, 370, 479, 595—601, 667—677, 680—682. Chr. Wolff, Briefe, SS. 24, 39. Прот. засѣд. Конф., т. I, сс. 1—23 (1725—1728 гг.). Нѣкоторые изъ академиковъ, покинувшіе Академію, все же продолжали печатать свои работы въ „Комментаріяхъ“ Петербургской Академіи; ученые „съ жадностью спрашивали о нихъ“; см. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. LX—LXI, LXIII — LXVIII. Экспедиція Беринга, предначертанная Петромъ Великимъ, подготовила экспедицію, въ которой Гмелинъ, Миллеръ и др. принимали участіе; ср. выше, с. 12.

отвѣтствовалъ ея назначенію: долгое время Академія оставалась безъ устава, что вредно отражалось на ея управленіи, въ которомъ академическое начальство и канцелярія стали играть слишкомъ видную роль; академики также не всегда ладили между собой и жаловались на «задержаніе жалованья», а нѣкоторые изъ нихъ не возобновляли своихъ контрактовъ [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ академики не всегда могли исключительно предаваться научнымъ занятіямъ: сверхъ своихъ научныхъ работъ они должны были читать лекціи въ университетѣ и завѣдывать гимназіей, а также заботиться о процвѣтаніи «вольныхъ художествъ и мануфактуръ», причемъ сами видимо тяготились тѣмъ, что «Академія Наукъ съ гимназіемъ и Академіею Художествъ слученіе нѣкако имѣетъ»; обязанные «отправлять все то, что коллегіи и канцеляріи отъ нихъ потребуютъ», они исполняли и многія другія порученія: Бернулли и Лейтманнъ вмѣстѣ съ Эйлеромъ, напримѣръ, давали отзывы о машинахъ, нужныхъ для чисто практическихъ цѣлей, Бекенштейнъ принималъ участіе въ обсужденіи судебныхъ дѣлъ и т. п.; въ то же время Гольдбахъ и Бекенштейнъ, а позднѣе Штелинъ и другіе писали панегирики и стихи, сочиняли надписи къ медалямъ на разныя событія, вырабатывали «прожекты аллегорій, иллюминацій и фейерверковъ» въ высокоторжественные дни и т. п. [2]). Сами академики сознавали,

---

1) Мат., т. I, сс. 369, 387, 447, 530, 541, 553, 649, 670, 687. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. XLIV—XLV, XLVIII—L, LII, LV, LVI; 9—12, 22, 27, 34, 42, 46, 50, 55—56. Въ 1725 году Блументростъ, еще разъ попытался привлечь Вольфа, но безуспѣшно; да и самъ онъ вскорѣ замѣтно охладѣлъ къ Академіи; см. Chr. Wolff, Briefe, SS. 81, 184—185.

2) Гос. Арх. Каб. П. В., Вход., кн. 93, л. 488 (расписаніе лекцій, которыя будутъ читать профессора). Мат., т. I, сс. 169—172, 260, 263, 323, 360, 415—431, 438, 495, 535, 560, 629, 637—640, 664. Въ 1727 году при Академіи состояли, между прочимъ: грыдоровальщики, живописцы, а также

однако, всю случайность подобнаго рода занятій и довольно отрицательно относились къ «совокупленію» столь «разнообразныхъ дѣйствій» [1]).

Перемѣны, наступившія послѣ смерти преобразователя, также не благопріятствовали развитію Академіи: послѣ переѣзда двора изъ Петербурга въ Москву ни правительство, ни общество не обнаруживало достаточнаго сочувствія учрежденію, которое преимущественно занималось обсужденіемъ отвлеченныхъ проблемъ науки и обходилось довольно дорого, а между тѣмъ не приносило той ближайшей пользы, какую отъ него ожидали. Современники, правда, готовы были признать утилитарное значеніе нѣкоторыхъ открытій Академіи, а также издаваемыхъ ею ландкартъ, календарей, «вѣдомостей» и т. п.; но они же ставили ей въ вину, что она оказалась не въ силахъ «потщиться» о пользѣ тѣхъ юношей, которые должны были собраться въ неё для ученія «изъ пространной Россіи», забывая, что академическія школы нерѣдко пустовали, такъ какъ не было желающихъ въ нихъ учиться «элевовъ или учениковъ россійской націи» [2]).

мастеровые, занимавшіеся изготовленіемъ математическихъ инструментовъ, „зеркальныхъ и першпективныхъ трубокъ"; см. Гос. Арх., XVII, № 3, ч. 1, кн. 2, лл. 4—4 об.

1) Мат., т. I, сс. 548. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. XLV—XLVII, L, LI и LVIII.

2) J. G. Vockerodt, Op. cit., SS. 104, 105. Chr. Weber, Op. cit., Bd. III, SS. 60, 78, 127—129, 168. Впрочемъ, состоявшіе при Академіи университетъ и гимназія изрѣдка подготовляли будущихъ ученыхъ, напримѣръ, Гросса и Миллера, Крашенинникова, Протасова и Котельникова; см. Гр. Д. Толстой, Взглядъ на учебную часть въ Россіи въ XVIII ст. до 1782 г., Спб., 1883 г., сс. 6—13; Его-же: Академическій университетъ въ XVIII ст., въ Зап. Имп. Академіи Наукъ, т. LI, прил. № 3, сс. 4, 9, 13 и др. Гравировальное искусство нѣсколько возродилось послѣ приглашенія въ Академію Вортманна, образовавшаго цѣлую школу граверовъ, а типографія Академіи

Въ позднѣйшее время Академія Наукъ вообще нѣсколько утратила первоначальное свое значеніе: послѣ основанія Московскаго университета, при которомъ временно числилась и Академія Художествъ, а также цѣлаго ряда другихъ реформъ, касавшихся народнаго образованія, она перестала играть прежнюю роль; но и послѣ такихъ перемѣнъ, Академія продолжала слѣдовать научно-просвѣтительнымъ завѣтамъ своего основателя и даже свободнѣе могла отдаться своему призванію: она постоянно развивала въ насъ то стремленіе къ абсолютно истинному и цѣнному, которое животворно отражалось на всей нашей культурѣ и, двигая её впередъ, оправдывало старинное изрѣченіе, гласящее: «vires acquirit eundo!».

долго служила образцомъ для другихъ заведеній подобнаго рода. См. П. Пекарскій, Ист. А. Н., т. I, сс. XL—XLVII. Д. Ровинскій, Русскіе граверы и ихъ произведенія и проч., М., 1870, сс. 36—39; о дѣятельности Я. Штелина см. тамъ-же, сс. 39—40. При копіяхъ проекта съ „регламента“ 1725 г. приложенъ „Прожектъ для типографіи грыдыровальнаго художества Степана Коровина“, октября 1725 г., съ многими техническими подробностями; см. Гос. Арх., Каб. П. В., Вход., кн. № 93, лл. 553—558.

S

